

Борис Шигин.
Пока решает третья Парка

«Пока решает третья Парка»

* * *

Пока решает третья Парка,
Когда и как обрезать нить
Моей житухи, крепко, жарко
Целую жизнь. Хочу испить
Чего покрепче. Нет, не старки —
Любви последней благодать.
Такой, какой не знают Парки.
Не Паркам, парочкам подарком
Такая. Грешным нам под стать.

Влюблюсь, и каяться не стану,
В последний раз, как в первый раз.
Прильну к немислимому стану,
Умру в глубинах карих глаз.
Пойму, что жил я не напрасно,
Коль был любимым и любил.
И на вопрос небеспристрастный
Как будто выдохну — испил!

Пыхтит под утро кофеварка:
Со мною истину искать
Устанешь. Так решай же, Парка,
А я пока продолжу ткать.
Ткать полотно любви последней,
Что всех чудесней плащаниц.
И мой неведомый наследник,
Дай бог, ослепнет от зарниц
Своей любви. Решай же, Парка,
Но знай — напрасен этот труд.
Пока целуем крепко, жарко
Мы жизнь, желанья не умрут.
Не страшно мне. Я вот он, тут,
Перед тобой! Решай же, Парка!

* * *

Не разлюблю тебя, но отпущу.
Мы любим птиц и все же отпускаем
На волю их. И всё, и всем прощу...
А если нет, то в новую пращу
Опять вложу слепой обиды камень.

Но брошу не в тебя, в свою печаль!
Моя война не против птиц, но клеток.
А милый мир из перышек и веток...
При чем тут он? Он — зыбкий твой причал.

Вернись к нему, свободной будь, запой,
Веселой птахой стань опять. А гунны...
Уйдут домой или уйдут в запой,

Натянут тетиву, натянут струны,

Отправятся в поход, в другой стране
Отыщут новую любовь и в новой клетке
Певунью новую полюбят...
И в огне
Сгорят поэта новые заметки...

* * *

Ветер дунул, ветер грянул,
Листья — наземь. Холода.
Старый дуб — и тот, как пьяный,
Так куда уж нам, куда?

Пропадём ли, устоим ли
В этой страшной кутерьме?
Стонут листья, нам бы с ними,
Нам бы к ним — тебе и мне.

Их так много, им не страшно:
На миру и смерть красна...
Да куда уж в ряд калашный
После горького вина?

Жил я волком-одиночкой,
Так и сгину, не ищи.
Не ходи к оврагу ночью,
Не аукай, не свищи.

Сядь к окошку, песню вспомни,
До утра не жги огня...
Голос старенькой гармонии
Всё расскажет про меня.

Осень Катерина

*Еленю звалась зима,
И Марфою, и Катериной.
И я порою зимней, длинной
Влюблялся и сходил с ума.
Давид Самойлов*

Здравствуй, осень моя, Катерина,
Чудо-девица в гроздьях рябин.
Вечер ветреный гроздья рябины
Променяет на солнца рубин.

Но не я прикоснусь к ним губами,
Как душою к тебе прикоснусь.
Желтый лист пролетит между нами —
Ну и пусть! Ну и пусть! Ну и пусть...

Здравствуй, осень моя молодая,
Лета краше ты, вёсен смелей.
Духом терпким твоим обладая,
Забываю притворства елей.

Только дым костерка с горьким вкусом,
Только яблока спелого дух
Так подходят к рябиновым бусам,
Так пьянят обострившийся слух.

Здравствуй, осень моя, быть ли новой?
Сон неведомый, дашь ли ответ?
Перелесок мне лапой кленовой
Заслоняет рябиновый свет.

Ах, наивные лапы да ветви,
Листья ваши опали уже.
Только свет той рябины приветный
Огоньком прописался в душе!

* * *

Если нет тебя рядом,
То сердце болит нестерпимо.
Всё мне кажется адом,
Всё крахом Великого Рима.

Нет ни слов, ни мелодий,
Ни мира, ни в драке победы.
Не грешили мы вроде,
Откуда же вдруг эти беды?

Почему крови голос
Срывается, в горле клокочет?
Почему спелый колос
Любви дать зерно нам не хочет?

Нет ответа, ну что же,
Бывает такое, бывает.
Злой мороз уничтожит
Неубранный клин. Пруд задраит.

Станет осени ядом,
Поминками прошлому лету...
Вот и нет тебя рядом,
А сердце всё жаждет ответа

На простые вопросы,
Да так же болит нестерпимо...
Будто это не осень,
А гибель Великого Рима.

* * *

Когда я в лес вхожу и нахожу вдруг клад
Лесного озера, меняется расклад
Привычных представлений: царь природы?
Помилуйте, слабее мы невзгоды,
И уж никак, поверьте, не цари.
Лежит на серебре воды зари
Вечерней пышная порфира.
Лист иван-чая — мягче кашемира...

И думаешь: кто ж царь земной, кто Бог?

Я человек? Меня упорней дятел,
Быстрее водорезка, крот смелей.
Сильнее ветер, шепчущий: приятель,
Природа — царь! А ты лишь раб при ней.

Не суетись, не пыжься, не старайся
Всё изменить, но изменяйся сам.
Не сильным, слабым в ноги поклоняйся,
Молись не пилорамам, а лесам.

И кровь уймется, и воскреснет разум,
Душа излечится, окрепнет дух.
И медленно, как прежде, раз за разом
Вернемся к мысли, что земля, как пух,
Должна быть матерью и нам, пока живущим.
Иначе все не так, и все не впрок...
Спасибо вам, врачи хопровской пущи,
Навек усвою мудрый ваш урок.

* * *

Вот и первый мазок —
Здравствуй, милый художник!
Купол церкви горит
Эталонным листом.
Пожалей хоть разок,
Не смывай это, дождик,
Пусть пожар воцарится,
Потоп уж потом.

Пусть в пожаре сгорят
Сны прошедшего лета.
Если взгляд твой остыл,
Буду греться огнем.
Вот и верный отряд, —
Как блестят эполеты...
Это кленов листья —
Золотой окаем.

Буду петь до утра,
Чтоб того переспорить,
Кто сказал будто ты,
Осень — только маляр.
Путь пройти без утрат
Невозможно, и вскоре
Все поймут: красоты
Этой жаждет земля.

Красоты и огня!
Вот и сад мой дымится.
Обожженным крылом
На заре облака.
Не жалейте меня,
Перелетную птицу.
Я запомнил, где дом,
А пока... Ну, пока!

Вот и первый мазок —
Здравствуй, милый художник...

Гамбринус

В полутемной пивной мне не скрипка,
Мне еврейское сердце поёт.
И не вижу ни скатерти липкой,
Ни обмана в счетах... Все не в счёт!

Мне еврейское сердце по-русски
Жарит так, что не встать, а сгореть!
Уберите питьё и закуски —
Я не буду здесь пить, буду петь!

Буду слушать шершавые звуки,
Что похожи на ветер в степи
Да на вой оценившейся суки —
Родила, и опять на цепи.

Буду жадно ловить каждым ухом
Пальцев хруст и стенанья смычка,
Исцеляясь душою и духом
Не проветренного кабачка.

Исправлять жизни сложенный «минус»
На в пути задержавшийся «плюс»...
Потому-то, купринский «Гамбринус»,
На тебя я, любуясь, молюсь!

Ах, еврейское сердце, ах, Сашка!
Ах, татарская кровь — все одно!
Ведь российская наша рубашка,
Как лоскутный ковер-полотно.

Кто об этом забыл, тому — горе!
Кто не помнит, тот предал страну...
Ну а я в Наровчат — тихий город,
Прихожу на урок к Куприну.

Зазимье

Зазимье — и птицы в отлёт.
Я буду их ждать, я дождусь их.
На утренних лужицах — лёд,
Над полем — кричащие гуси.

На сердце светло и тепло,
Но в горле какое-то слово...
Давай не скажу я его.
Не будем тревожить бывшего.

Зазимье — тревога пока
Под пологом бабьего лета,
Но красные солнца бока
На зорьке — плохая примета.

Два дня — и придут холода,
Туманы прольются в низины.
Ну, как мне тебе и когда
Букет подарить из рябины?

Осенний кудрявый букет —
Макет не сгорающей страсти.
Ты лишь улыбнёшься в ответ,
Да так, что не вымолвить «здрасьте».

И губ замерзающих лед
Не чует рябиновых бусин...
Зазимье — и птицы в отлёт.
Я буду их ждать. Я дождусь их.

* * *

Ухожу, оставляю открытой
Дверь туда, где когда-то я жил.
Там стоит город, Богом забытый.
Там натянуты струны из жил

Моей жизни. Там песни поются,
Плачут женщины по вечерам...
Для чего эти сны нам даются?
Я не понял доныне и сам.

Только верю — не зря и не всуе,
Только знаю — вздохну поутру
И тебя вдруг такой нарисую,
Что уж, как никогда, по нутру!

И у двери твоей, настоящей,
Позже вспомню таинственный сон...
И признаюсь любимой, не спящей,
Что дорогу подсказывал Он!

* * *

Время моё — с декабря по март.
Так в холода и рождаются песни.
Из кабинета — то смех, то мат...
Мерзну, но все же пою, хоть тресни.

Стынет ладонь, а душа давно
Выстужена мертвенными ветрами.
Прошу: закройте телеокно,
Или заткнёте его сами!

Теплеет. Это успел аккорд
Стать для мелодии верным другом.
Мурлычет даже неверный кот, —
Может быть, вытянем песню цугом?

Вытянем! Сколько до талой воды
Дней и песенок нам осталось?
Знай, перебирай лады...
Самая малость!

* * *

*А черным ладоням сбежавшихся окон
раздали горящие жёлтые карты.
В. Маяковский*

Вечер выигрывает в карты
Жёлто-чёрные дома.
Осень. Сколько ждать до марта?
Сто снегов. Сойду с ума.

Сто снегов до тёплой встречи,
Сто снегов до взлома льда.
Ты не шутишь, мерзкий вечер?
Я и впрямь сойду с ума.

Что ж, сыграем, я банкую,
Я рискую... Ты готов?
Я хочу весну такую —
В марте чтоб, без дураков!

Раннюю, с ручьями, с солнцем,
С хитрым блеском женских глаз.
И взрывную, будто стронций.
И простую, как топаз.

С песней, с радостью, с улыбкой,
С тёплым южным ветерком...
Выигрыш надежды зыбкой
Будто шепчет: ты о ком?

Сто снегов до тёплой встречи,
Сто снегов до взлома льда...
Бесполезно карты метить —
Жди, да не сойди с ума!

На смерть Юрия Щекочихина

Верстовые столбики кончаются,
Дальше — без билета и преград...
Верящие в жизнь, да не отчаются:
Не всегда безумен маскарад.

Шут найдется! Он, как свет за ставнями!
Побеждая тьму или дурман,
Будет маски жечь, но в этом пламени
Сам сгорит, — ведь горе от ума!

И за что же, братья, это лихо нам:
Что ни свет — до срока обречён.
Чаадаева да Щекочихина
В омуте российском тонет чёлн.

А не тонет, значит, разбивается:
Слава богу, крепок «волнорез».
Юра, Юрочка, страна спивается...
Ну а я не буду. Наотрез!

Помяну не водкой, что уж мучиться,
Горькой правдой лучше помяну.
Ну а слабой песенка получится, —
С новой силой натяну струну.

* * *

Не называй страну великой,
Когда в ней бедствует народ,
И власть вдруг Янусом двуликим
Свободам затыкает рот.

Не называй народ великим,
Когда он терпит век, другой,
А после... О, святые лики, —
Он сам и каждый в нём — изгой!

Не восклицай: «Ну, что же делать?»,
Не вопрошай: «Кто виноват?»
Не извиняйся: «Это, дескать,
Шальной фортуны маскарад».

Не поддавайся этой гнили:
«Не верь, не бойся, не проси...»
Хотя б не пей, уж всё пропили.
Не пропивай своей Руси!

Романс

Когда снега обрушатся на город,
Когда дорожкой прежней не пройти,
Я вспомню, что давно уже не молод,
И нет в помине легкого пути.
Ах, как сладка болезнь любви последней,
И, как снега слепые, тяжела.
Мне пела про неё метель намедни:
Жила-была, жила-была, была...

Давно пожары осени потухли.
Снега искрятся, властвуют снега!
Но хочется к весне готовить туфли
И открывать иные берега.
Твердить бинтам-дорогам, что посредник
И врач не нужен, коли боль мила...
Мне пела про неё метель намедни:
Жила-была, жила-была, была...

Как хочется любви лелеять имя:
Как сон ребёнка, сладкий, вещий сон.
Ах, милая, улыбками твоими
Я нынче, как снегами, занесён!
И будь что будет, если в вечер летний
Любовь вдруг скрутит снеговая мгла.
Мне пела про неё метель намедни:
Жила-была, жила-была, была...

* * *

Прости за то, что раньше я родился

И старше вдвое.
За то, что петь пока не разучился:
Уж так я скроен.

Прости за то, что именем твоим я
Строку украсил.
Что дал дождям осенним это имя, —
Стал дождь прекрасен.

Но ляжет снег, остынет сердце, стихнет,
Как бунт метели.
И кто-то тихо спросит: что же стих вы
Свой не допели?

Да, не допел... но песня будет петься:
Не мной, тобою!
А как же сердце? Станет мое сердце
Твоей звездой.

В дождь

Мне трудно справиться с собой,
Мне трудно справиться с тобой,
Со всеми, кто не слышит,
Как лихо в струйке голубой
Жесть водостока, как гобой,
Поёт под крышей.

Понять, простить, за боль не мстить,
И чашу эту не допить,
Мне данную судьбою.
Амброзия в ней или яд,
Или целебный взгляд наяд —
С ее водою?

Пусть светлым будет этот душ,
Купающий остатки душ
Еще влюблённых.
Пусть станет понятым гобой,
В струе поющий голубой
Уединённо.

Пойму, прощу, и укрощу
Свои желанья. Упрощу
Сей страсти уравнение.
Намечу новых правил свод...
Вот только изменить ли вод
И душ влечение?

Сон

Струны рвал и кричал,
Докричаться не мог.
Все искал свой причал,
Постигал слово «Бог».

Только пальцы сломал,

Только губы все — в кровь.
Лишь смеялись: удал!
А ведь Бог есть любовь!

Говорили — поймешь,
А поймешь — так молчи.
И давали мне нож
Заточить палачи.

И сулили мне рай,
Если выпущу кровь, —
Только нож вытирай...
А ведь Бог есть любовь!

Не сломался, но пел,
Не продался, а мог.
Был их плод скороспел —
Не Любовь и не Бог.

Снова ночью кричу,
А не песню пою.
И тому палачу
Не рубаху крою.

Вью веревку из струн.
Значит, кровью за кровь?
Ночь пройдет, поутру
Будет — Бог есть любовь!

* * *

Листьев одуревших круговерть
В лихорадке красок исчезающих
Кажется мне вечной: не поверить,
Что отменит все зима, играючи.

С ловкостью хозяйки молодой
Уберёт все лишнее. И стелется
Наземь скатерть новая, подбой —
По стерне звенящая метелица.

Вот хрусталь, вот серебро... Бери!
Новой песней слух и душу радуй.
На берёзах — броши-снегири,
Все готово к зимнему параду.

Ждать недолго — выйдет командир,
Знак подаст поземкой-рукавицей, —
Будто сдует воробьёв-задир.
И притихнут остальные птицы.

И нагрянет новая пора,
Что пиры отменит до апреля.
Знай — терпи, и дерева кора —
Радость для блуждающего зверя.

Круг замкнулся: смена зим и лет —
Суть привычной, познанной рутины...

Лишь на стыках их нездешний свет
Нам дарует чудные картины.

* * *

На перроне мы стоим,
Нет сил проститься.
Видно, надо нам двоим
В осень возвратиться.
Я на Север, ты на Юг —
Встречные составы.
Лишь роднят гудки их вдруг
Из одной октавы.

На перроне снегопад,
Я его целую.
Отвечаю невпопад,
Вру напропалую.
Мол, приеду в Рождество,
До весны пробуду...
Снег — такое волшебство:
Верят мне и чуду!

На перроне — не в пути,
Проводник не нужен.
Ты за то меня прости,
Что на сердце стужа.
Стынут праздные слова,
Гибнут в снежной пыли.
Сказаны — и трын-трава,
Были — позабыли.

На перроне суета,
А в вагоне скука.
Мне нужна плацкарта та,
Чтоб «прощай, разлука».
Чтоб вернуться к Рождеству,
Да влюбиться в Ладу.
Верить снегу-божеству,
Целовать взаправду.

Семидесятые

Спой мне песню старую,
Спой мне песню длинную.
Еду за гитарою
Прямо на Неглинную.

Там жучки рукастые,
Там хапуги смрадные
(Нечисть разномастная)
Поведут в парадную.

Станут не кондицию
Под сурдинку втюхивать.
Такова традиция —
Лоха убаякивать.

А, прикинусь дуриком,
А, скажу, что клёвая
Крашенная суриком
Та доска не новая.

Отвалю зелёными,
Поражу солягою,
Во дворе под клёнами
Засвечусь стилигою.

Ой, простите, мальчики,
Это ваши девочки?
У меня ведь пальчики —
Стрелы, а не стрелочки.

У меня ведь песенки —
Будто соль, солёные...
Ах, как было весело
Нам под теми клёнами.

Ничего, что были мы
Тощие да мятые...
Обладали крыльями
В те, семидесятые!

* * *

Жил неспешно: всё писал черновики,
Думал, набело успею, изловчусь.
Только вот, всем этим планам вопреки,
Не успел — и стерла песню грусть.

Жил нежадно: хлеб не брал, а раздавал,
Думал, чаша, если есть, так и полна.
Только вот, пришел девятый вал, —
Не нашел ни хлеба, ни вина.

Жил в потемках: свет искал я неземной,
Думал, ночь темна пройдет когда-нибудь...
Где тот свет? Он есть, но не со мной!
Мне — огарок свечки, мрачен путь.

Что же делал я не так и почему
Я теперь к потерям так привык?
Был ведь голос сердцу моему:
Помни, не живи на черновик.

* * *

Вечер октябрьский и мрачен, и мглист.
Город дрожит, как осиновый лист.
Осень.
Только последний троллейбус бежит
К тем, кто пока не замёрз от обид,
Лосем.

Тесно в троллейбусе — не мудрено,
Как по команде все смотрят в окно:
Что там?

Только стекло запотело на грех,
Будто покрылось заботами всех,
Потом.

Нам бы, друзья, не жалеть рукавов,
Был бы троллейбус и чист, и здоров, —
Охнем!
Где там: у этого замша-рукав,
А у другого — букетик в руках.
Бог с ним!

Так и несёмся незнамо куда:
Город, троллейбус, любовь и беда —
Вместе.
Радость одна: пусть не ясен маршрут,
На остановке на пару минут —
Песня!

Это поёт одинокий чужак,
Вдоль проводов он идет просто так —
Пёхом.
Песни поёт и не мёрзнет ничуть,
А в духоте переносит он путь
Плохо.

Что ж, мы несёмся незнамо куда:
Город, троллейбус, любовь и беда —
Лосем.
Надо бы окна давно протереть,
Надо бы песенку вместе запеть...
Осень...

Песенка

Заберет октябрь тепло — не умру!
Сайт открою «Тёплый май.Точка.Ру.».
Стану греться в этом тёплом окне,
Вспоминайте там зимой обо мне!

Буду ссылки, как посылки, вам слать,
Буду песенки качать: эка, сласть!
И «емэлиться» с девчонкой одной:
Говорить со всей огромной страной!

А придет весна опять — я воскрес!
На компьютерном окне ставлю крест.
Открываю нараспашку окно
Настоящее. Ай, с ветром оно!

Два окна в моей квартире, мой друг.
Два окна во мне есть — Разум и Дух!
Ну а дверь... А дверь, как прежде, одна:
Заходи и ангел, и сатана!

Заходи, давай, любовь и нужда,
Улетай печаль, ты нам не нужна.
А отрубят за долги Интернет, —

Перейду на адресок: pisem.net

Возраст Дракона

Прощаюсь с возрастом Змеи,
Готовлюсь к возрасту Дракона.
Полвека плюс ещё моих
Пяток годков, и всё законно!

Пятнадцать следующих лет
Отодвигают приземлённость
На план второй, и страха нет:
Опять — да здравствует влюбленность!

Подобны взлётной полосе
Те полтора десятка вёсен.
Используй все, планируй все
Для старта в том последнем кроссе.

Но та дорожка — не для ног,
Подъём для разговора с Богом...
И лишь бы то осилить смог,
Что ждёт меня за тем порогом.

Песенка для Ольги

Я буду стареть, а ты
Зимой мне напомнишь лето.
Я буду сушить цветы,
Ты — в дом приносить букеты.

Устанет гитара петь,
Ты мне инструмент настроишь,
Ко мне постучится смерть,
А ты позвонишь: нас трое!

И с ней я уйду во тьму,
Вас трое, как прежде, будет.
Должно быть, тогда пойму
Простую науку судеб.

А вас, второгодников,
Оставлю учить на лето,
Как сделать из трех цветков
Четырнадцать строк сонета.

Я двух женщин люблю...

Покарай меня Бог, — я двух женщин люблю,
Я остаться рискнул не у дел.
Только можно ль решить: поклоняться огню
Или жизнь мне дающей воде?

Покарай меня Бог, — я двух женщин люблю,
У одной под ресницами свет.
У другой — черный омут, пропасть кораблю.
Да иного пути, видно, нет.

Я двух женщин люблю, — не суди меня Бог, —
Буйство красок и мудрый покой.
Кто б осмелился выбрать и выбрать бы смог
Между правой и левой рукой.

Я двух женщин люблю, — не суди меня Бог, —
И о каждой мог песню бы спеть.
Ведь одна — это Жизнь, торопливый мой вздох.
А другая — мой выдох и Смерть.
Не суди меня Бог, — я двух женщин люблю...

Песенка о Парках, богинях судьбы, прядущих и обрезавших нить человеческой жизни

Осенний сон,
Осенний сон
Навеял грезы и печали.
В дырявых шапках рыжих крон
Какие ноты зазвучали!

С трубой заигрывает альт,
В его мелодии — загадки.
И так же тайно на асфальт,
И так же тайно на асфальт
Ложатся листья в беспорядке.

Но это все на первый взгляд:
Всмотрись — гармония здесь правит.
И парки ткут судьбы наряд,
И осень в парках их работу правит:

То нить куда-то уведет,
То узелок на миг распустит —
Придет ли тот, кто все спрядет,
Придет ли тот, кто все спрядет
Без сожаления и грусти?

Пусть все придется впору нам,
Пусть шьются из мечты одежды.
Не дай вам Бог трещать по швам,
Все наспех сшитые надежды!

Пусть Парок трех над нами власть, —
Тянуть придется, что спрядется...
Лишь песня б не оборвалась,
Лишь песня б не оборвалась,
Когда их нить вдруг оборвется!

* * *

Вот умру, и буду жить с тобой,
Стану лёгкой лодкою без вёсел.
Пусть владеет мной и злой прибор,
И неспешность вод привольных вёсен.

Ты — река. Ты — вечность. Ты есть жизнь.
Разреши склониться и напиться.
Не позволишь, скажешь мне: «Лежи

У воды на берегу», — зарницы

Стану в тихой гавани встречать,
Ждать смиренно твоего прилива.
На моём борту любви печать
К речке, что течёт неторопливо.

Почему когда-то, не теперь?
Омуты, пороги, водопады...
Слишком много горя и потерь,
Слишком мало света той лампы,

Что не только теплится, даёт
Свет нездешний и огонь нетленный...
Вот умру, и неземной полет
Увлечет меня в моря Вселенной.

Там лишь буду счастлив я с тобой,
Там, где стану лодкою без вёсел.
А наскучит — дымкой голубой,
Следом зыбким на широком плёсе...

Но покуда Запад и Восток,
Жизнь и Смерть влекут и рвут на части,
Счастлив тот, кто уберечься смог
От такого призрачного счастья.

Вот умру, и буду жить с тобой,
Стану лёгкой лодкою без вёсел...

Двадцатый, мой родной...

Новый ковчег

Смыкает веки век —
Готовьте пятаки.
Запомним этот взгляд —
Воинственный и нежный.
Жаль, нет длиннее рек
Молитвенной строки,
Чтобы пропеть подряд
Ее сто раз прилежно.

Двадцатый, мой родной,
Неласковый отец,
За что ты нас любил,
За что лупил нещадно?
Я, как прилежный Ной,
Как скряга и купец,
Возьму все, что скопил,
С собой в век новый. Ладно?

Смыкает веки век,
Но не дает ответ.
Не хочет отдавать, —

Я чувствую спиною, —
Ни боль сибирских рек,
Ни золото монет,
Лишь просит прочитать
Еще разок про Ноя.

Ну что же, перечту
Библейские стихи,
Перекрещу очаг
Последнего ночлега.
Смыкает веки век —
Готовьте пятаки
И мирный белый флаг
Для Нового ковчега.

Аромат XX века

*Ведь я — сочинитель, человек,
отнимающий аромат у живого цветка.
А. Блок*

Я знаю века аромат, —
Он цвет при мне и гнил при мне.
Он был на запаха богат:
Благоухание и смрад
В его дурманящем вине.

Он был похож на тот цветок,
Что, распускаясь сотни раз,
Дарил рассвету лепесток,
Но, чуя холода поток,
Бежал от смерти хищный глаз.

Он пах любовью и войной,
Салютом, топливом ракет.
Он, как рубахи пот, со мной.
И горький мед, и сладкий гной —
Противней нет, роднее нет!

я весь пропитан им насквозь,
Его снегами закален,
С желаньем или на авось,
Как вдруг пробивший стену гвоздь,
С ним выйду в мир иных времен.

И кто-то хмыкнет — прошлый век,
Как будто это компромат.
И кто-то свистнет — прошлый век!
И будет этому лишь рад...

Увы, его закончен бег,
Но женщин, войн, цветов и рек
Я должен помнить аромат!

* * *

Стоят на холмиках России
Без языков и без крестов

Церквушки сельские, простые —
Как головни былых костров.

Стоят, не требуя прощенья,
Но и не дарят Божий лик.
И образ страшного отмщенья
Не в них, а в нас давно возник.

Стоят смиренно на пригорках —
Так с Богом легче говорить...
Но как им горько, как им горько
Не знать возможности дарить

Нам Дух Его, Его молитвы,
Его мучения... И вновь
Шепнуть творцам великой битвы:
«Одумайтесь: Бог есть любовь!»

Август девяностых

Яблочный, да Хлебный, да Медовый...
Ах, какое чудо — слово Спас!
Почему же снова плачут вдовы,
В августе кричат в который раз?

Ласточки пугливо улетают,
Осенины — час снимать плоды.
Ну а нас все всходами пугают,
Сорняком подкравшейся беды.

Знать, Преображение Господне
Не для всех великий праздник, жаль!
Так какое слово мы сегодня
Занесем в российскую скрижаль?

Как же растеряли мы все это, —
Эх, полегче что-нибудь спроси.
Горько: молодое бабье лето
Вдовьим нынче стало на Руси.

* * *

Ах, где я ночью был!
А был я ночью, где
Сосновые столбы,
Кувшинки на воде.
Где так жесток мороз,
И так белы снега.
Где серьги у берез
Длинней, чем у цыган.

Где на плечах не пух,
А ситчик расписной.
Где очередь старух
Стоит немой стеной.
А мужиков среди них
Как не было совсем...
И бесконечны дни,

А лет прошло лишь семь.

Ах, где я ночью был?
А был я ночью, где
Знамена на гробы —
Израненных удел.
Где офицерский двор,
На праздник — ордена.
Где ходит в дом, как вор,
Недавняя война.

Полковник бел, как мел.
Он нынче неживой.
Комвзвода так несмел,
Как будто первый бой.
Неслышный залп повис
Над сумрачным двором,
Увядший красный лист
На землю — топором.

И плачет горячо
Мальчонка на руках.
Ах, мамино плечо
В пороховых духах...

Ах, где я ночью был?
А был я ночью, где
Морщинистые лбы
И молодых удел.

Но миром награжден
Их поредевший строй...
Я только что рожден:
Год — пятьдесят второй.

Шацк

А под Шацком вдоль дороги — тополя.
А над Шацком вдоль дороги — летний дождь.
Как загадочна ты, Русская земля:
Никого не провожаешь и не ждешь.

Только вдруг морозцем стукнешь, вот те на!
Или южною жарою удивишь.
Напоишь дождем грибным, да допьяна.
Улыбнешься зорькой и тихонько спишь.

А под Шацком вдоль дороги — пацанва
Предлагает в банках запахи лесов.
Их таила, да не спрятала трава, —
Не посадишь земляничку под засов.

А под Шацком в деревеньке — ни рубля,
Видно, пенсию три месяца несут...
Как загадочна ты, Русская земля,
И не страшен тебе, видно, Божий суд.

А под Шацком...

Да причем здесь, братцы, Шацк?
Просто встали мы под Шацком на ночлег
И часок-другой прожили не спеша,
Подремали и продолжили свой бег.

И приснится же такая ерунда,
Поскорее в путь, забыв про все и вся...
Снова мчимся — только знаем ли, куда?
Как загадочна ты, Русская земля!

* * *

Мы были больными, и вряд ли сегодня здоровы.
Мы плыли по ветру, и снова нас сносит течение.
Знамена и лица, как прежде, от крови багровы...
Так что же, — опять принудительно на излечение?

Страна санитаров не в белых, а красных халатах
Готовит мне койку и ставит поспешно диагноз.
Но мне маловата палата, уже маловата.
И в сердце, и в жилах, и в горле: «Не агнец!

Не агнец!»

Закланья не будет! На жертвы уже не похожи
Те, кто без оков хоть годок да гулял на свободе.
Вот только бы понял идущий, что он не прохожий,
И все сорок лет продержался бы в этом походе.

Россия

Я из тех, кто поле не бросает,
Поле боя или васильков.
Ах, Россия, девочка босая,
Раны кровоточат от оков.

Я из тех, кто волю выбирая,
Может жить, мечтая, и в тюрьме.
Ах, Россия, ты, как отблеск рая,
Полыхнешь и скроешься во тьме.

Запоешь да не закончишь песни, —
Знать, на веки твой удел таков...
Ах, Россия, грезится нам вместе
Воля рая, поле висильков.

Выбор

*Времена не выбирают,
В них живут и умирают.
Ю. Левитанский*

Вопросы эти напрочь отметаю:
Когда хотел бы жить, в какой стране?
Родился в мае — присягаю маю,
Хоть маята моя всегда при мне.

Не верю гимнам скорых революций, —

Как просто им переиначить мир.
Сначала научись лакать из блюда
Пропагандирующий счастья эликсир!

Так что же делать? Верить и трудиться!
Не как-нибудь, но с сердцем, не спеша.
Чтобы и петь, и ввысь лететь, как птица,
Училась легкокрылая душа.

Чтоб каждый понял, что толкаться с краю
Бездарно так же, как любить на треть...
Я землю и года не выбираю,
Хочу в России жить и умереть!

* * *

Август. Ахтуба. Ахматова...
Спорит с берегом волна.
Песня облака лохматого
За прибором не слышна.

Ведь в России век так водится:
Кто горластее — тот прав.
Пресвятая Богородица,
Укроти наш дикий нрав!

Помоги услышать тихие
Струны попанной души,
Что звучат в далеком Тихвине,
Да и в Пензе хороши.

Я всю жизнь за это ратовал:
Перья — что, смотри полет!
Август. Ахтуба. Ахматова...
Кто услышит, кто поймет?

Пусть ушедшие утешатся,
Не за свой удел молю.
Пусть волна — лихая грешница
Не мешает кораблю.

Пусть матросы хамоватые,
В небо вперившие взгляд,
В нем услышат стих Ахматовой,
Профиль Анны разглядят.

И проспятся, и помолятся,
И услышат — хоть слегка,
Как поют и славят Троицу
Над рекою облака.

Баллада о белом цветке

*В белом венчике из роз
Впереди — Иисус Христос.
А. Блок*

Я не буду о венчике —

Я не буду о Боге,
                    может, не нравится венчик?
                    хоть верил я в Бога всегда.
Расскажу вам о цветке,
                    который, увы, не изменчив.
И заметьте: увы —
                    это ваше словцо, господа.

Темно-красный и нежно-лиловый —
                    ну что за расцветки?
Мы привыкли к оттенкам и в них
                    ищем точность и шарм.
Ну а как же без них
                    описать попугая на ветке,
И какой может толк быть
                    от черного карандаша?

Впрочем, черный, ах, что за подлец,
                    может стать светло-серым,
Серебристым, стальным...
                    И каких только способов нет
Измениться, чтоб стать без оттенка стыда
                    просто первым.
Только первым всегда
                    был и будет один белый цвет.

Он не может быть чуточку белым.
                    Не может, не может!
Темно-белым не может он быть,
                    как не может звезда
Желтой быть, или через бутылки стекло
                    — темнокожей.
И заметьте: увы,
                    это ваше стекло, господа.

Я люблю вас, и белые роза,
                    и белые росы,
Не бывает же белою рана
                    им белым навет.
Оставляю вам, физики,
                    глупые ваши вопросы:
Отчего? Почему?
                    Из чего состоит белый цвет?

Только белому верю,
                    люблю только белый, и точка!
Не меняется он —
                    значит, он не изменит и мне.
Ах, как нужен был он,
                    а не красная винная бочка,
Одуревший от красного-красного
                    классной стране.

И теперь, когда спорит он с красным
                    на флаге России,
Я скажу, что поверил стране, —
                    пусть хотя бы на треть.

И хочу, чтоб когда-нибудь
их разделяющий синий
В пользу белого мог бы уйти,
но не в красном сгореть.

Я пою вам о цвете, который
собой остается.
На него лишь молюсь
и умру за него на кресте...
Потому, господа,
снежный саван России не рвется,
И, конечно, поэтому
белый венец на Христе.

Посвящение Грушинскому фестивалю

Там, в городе, дождь, он смывает улыбки,
Как серую пыль с серых рельсов смывает
Трамвайная трель.
А мы растянули палаточки-зыбки,
Они приутихли, как в парках трамваи,
И тут же уснули без нас, так бывает,
Поверь!

Поверь, поверь:
Стучись не в дверь,
А в душу печальную —
Кто отзовется?
Там вахта причальная
Ждет, не дождется...
Ну, хочешь — проверь.

Там, в городе, дождь, он танцует лезгинку,
Роняет дома в замутненные лужи, —
Где окна, где дверь?
А мы быстро выберем поваром Нинку,
И сами туда, где нам головы кружит
Не водка, а песня, что льется, не тужит —
Поверь.

Поверь, поверь:
Завхоз — не зверь.
А зверь тот кондуктор, что наши билеты
Хотел компостировать —
Парень с приветом...
Ну, хочешь — проверь.
Езжай — и проверь.

Там, в городе, дождь, он по черным карнизам
Стучит, как перстом... Провинившийся крестник —
Конечно, апрель.
А мы высоко тихим облачком сизым
Плывем над землей — ведь сгорели мы в песне.
И так хорошо нам, сгоревшим всем вместе,
Поверь!

Поверь, поверь:

Избавляет от вируса
ложных решений.

Десять лет — это срок!
Как округлы бока
Этих схожих во многом
немытых пятилеток.
Год активного солнца —
он в силе пока —
Нас выводит на волю
из нажитых клеток.

Год активного солнца.
Раз в одиннадцать лет
Можно спутать сентябрь
с разухабистым мартом.
Год активного солнца —
чей же ты партбилет,
Призовая игра
и козырная карта?

* * *

Август... Россия... Беда...
Хочется крикнуть: доколе?
Черная наша звезда
Вспыхнула нынче над морем.

Что же за вами стоит,
Августа мрачные иды?
Может быть, время нам мстит,
Помня былые обиды?

Мы, нарушая закон,
Рвали его, да и в клочья!
Светлые лики икон
В храмах святых мироточат.

Из нарисованных глаз —
Слезы ручьем. И, как няни,
Каются лики за нас.
Мы не хотим покаянья.

Мы не хотим опустить
Ружья, знамена и трубы.
Значит, и зримо, и грубо
Будет природа нам мстить.

* * *

*«Ребята, вы должны увидеть солнце.
«Комсомольская правда»,
16 августа 2000 года*

Передовиц не мне бы слыть питомцем,
Но нынче я с газетой заодно:
Ребята, вы должны увидеть солнце!
Отставить субмарине лечь на дно!

он любит запах смерти.
Так для меня лишь правда, уж поверьте,
Что для любовника любовницы духи.

Лишь слово правды! Не тирада — слово
Меня поднять на новый бой готово.
Поднять из грязи ханжества и лжи.
Ты силы сей не испытал? Лежи!
Но я, тираны, слуги и пажи,
Я способа не знаю жить иного!

* * *

Что творится с планетою нашей,
На какую иглу мы подсели?
Заварили смертельную кашу
Катастрофы, тайфуны и сели.

Да, природа — наш Бог, и не новость,
Что активное солнце сердито.
Но ведь главы в печальную повесть
Пишут кровью в России бандиты.

Взрыв на Пушкинской, взрыв на Каширке,
Взрыв у памятника, в синагоге.
В каждом доме и в каждой квартирке
Возмущения взрыв. Что в итоге?

Почему взбунтовалось светило,
Мы не знаем, вдаваться не будем
В эти дебри. Но что же тротилу
Заставляет молиться нас, люди?!

Неужели, как в страшном походе,
Наш спасательный шнур оборвется?
Год активного солнца уходит.
Время черной беды остается.

* * *

По примеру истового Ноя,
Выручая нас который раз,
Время ищет слово коренное
И находит этот корень — «спас».

Вот оно в газете и на сайте
В Интернете, в книге, на устах.
Это слово главное — «спасатель» —
Лидер в битве против слова «страх».

В гневной битве против слова «гибель»
Лишь оно поддерживает нас.
Все мы нынче члены бедной лиги,
Гимн которой — только слово «Спас».

Сохрани нас, Боже, и помилуй!
Если век несчастий погребен, —
Пусть святое слово станет силой,
Как и было на заре времен.

* * *

Любимая, буду молиться
И истово, и не спеша,
Чтоб с ветром не вздумала слиться
Моя чумовая душа.

Чтоб стать не мечтала волною,
Дождем или гневным огнем.
Чтоб только с тобою, с тобою
И ночью была бы, и днем!

Любимая, буду молиться
И истово, и не спеша:
Пусть, не нарушая традиций,
Голубкою станет душа.

И ты не нарушь обещанье
Нехитрое, только одно:
Махни ей рукой на прощанье,
Когда вдруг закроешь окно.

* * *

Так и живу, мне большего не надо.
Не надо быть участником парада.
Я шумной вечеринке предпочту
Общение с другом или же собакой,
Что, в общем-то, одно и то же... Дракой
Меня давно уже не зазовешь
Решать непримиримый спор. Все ложь,
Все суета сует и искушение
Нарушить мирное течение лет. Печенье —
И то должно в духовке полежать,
Чтоб вкусным быть! А мы давай рожать
На свет детей без матери... Наивно!
Луг зеленеет только после ливня,
Лишь после ливня в рост идет листва,
И дух такой, что все вокруг родится:
Сад зацветает и гнездится птица,
И побеждает сила естества!

Так и живу, за жизнью наблюдая,
Не тороплю ее, она — такая,
Какой была сто тысяч лет назад:
Когда лишь пчелы оживляли сад,
И летнее тепло, им потакая,
Весны прошедшей попирало смрад!
Хочу тепла. Побольше дней бы летних!
Но я уже, похоже, безбилетник!
Подножка, впрочем, как всегда, пуста...
Беги быстрее, за поручни хватайся,
На «колбасе», как в юности, болтайся...
Не привыкать нам с чистого листа
Все начинать. Начни еще разок!
В снегу тони, но догони возок
Любви последней. Как сладка погоня!
И крик надрывный, бешеный: по коням!

И пусть в угаре пьяном, на глазок!

Хочу тепла! Но зябкое предзимье —
Теперь мой дом. Кто дал такое имя
Поре, что так печальна и строга?
Уже накрылись шапками стога,
Земля ждет ласки снега, а не ливня...

Как долгод век! Как сказка недолга!

* * *

Какое прекрасное качество:
Прощать чужакам их чудачества.
Влюбленным прощать
нерешительность,
А любящим — ревность и
мнительность.

Неумным прощать неумение,
Беде — холод прикосновения.
Забывчивость — счастьем и радости,
И недругу — сплетни и гадости.

Прощать и подонков случается...
Себя только — не получается.

Когда улыбается Кронос

Когда улыбается Кронос,
Заметив веселую вежу,
Луч солнца, похожий на конус,
Обрезанный облаком сверху,
Мостит карнавальную площадь
И путает корты и карты,
И делает старую лошадь
Вновь юной, а скачку азартной!

Когда улыбается Кронос,
Сгущенкой становится полдень,
И дверь по ту сторону трона
Упрямо перечит щеколде.
Мгновенье, — распахнута настесь:
Свобода, безумство, блаженство!
И вновь уязвленное «здрасьте» —
Немыслимое совершенство!

Когда улыбается Кронос,
Чернеют перо и бумага,
Худеет мошна у барона,
В молчалинике зреет отвага!
В могильниках зреют ответы,
Лишь смерть продвигает к ответам...
А что же Советов советы?
Фальшивые песни отпеты...

Когда улыбается Кронос,
Арену мостя карнавала,

Он знает, что радости тонус
Продержится в городе мало.
Что здесь же, средь винных бутылок
Припрятана склянка с цикутой...
Но празднично бритый затылок
Не чует предательства Брута.

Когда улыбается Кронос,
Мы ищем защиты утробы,
Уж если луч солнца — на конус,
Что стоят соленые робы?
Что стоят соленые песни?
Блаженны, поющие вволю,
Строители царственных лестниц,
И зодчие скромненьких кровель!

Когда улыбается Кронос,
Мы вновь понимаем, что время
Не стоило хижин и тронов,
Растило адамово племя.
Ну, как не понятно, что время
Не медлило, не торопилось:
Лишь сеяло нужное семя
И длилось, и длилось, и длилось...

Когда улыбается Кронос,
Пусть радуются человеки!
Есть время на новенький бонус
Сменить прогоревшие чеки.
Есть шанс, что в огне сатурналий
(Как рад, что родился в тот день я)
Мы все непременно узнаем
Причину земного рожденья!

Когда улыбается Кронос...
Когда улыбается Кронос?

* * *

Учись во время холодов, —
Чему научит нега?
У снегом скованных домов,
У пса, что ждет ночлега
В тепле. Но вновь закрыта дверь.
Держать ее открытой
Учись! Учись, учись и верь:
Подует ветер с Крита!
Он долетит и до твоих
Заснеженных просторов.
Но то — весной, весной лови
Его. Пока же норы
Свой демонстрирует зима,
Она и есть Учитель!
Зимою, друг мой, не зевай, —
Серебряные нити
Опутывают крепко нас.
Мороз — игла, попались!
Попались, но на этот раз

Не разочаровались!
Мы учимся у холодов,
Когда весь город замер.
Но ждем передвиженья льдов
И с ним вопроса: ты готов
Весне сдавать экзамен?

Учись во время холодов!

* * *

Сердце, бейся и не бойся —
Ты должно весь век крепиться.
Мужики забросят косы,
Спицы выронят девицы.

Не тебе играть в молчанку,
Сердце, песня за тобою!
В бой пойдешь, — строчи тачанкой,
Влюбишься, — труби трубою.

Ночью будь виолончелью,
Стань в лесу кадрилию кедра.
Зазвучи, как скрипка, с елью
Под тугим напором ветра.

Сердце, сердце, я не верю,
Что твоя затихнет песня.
Косарям надел отмерен,
А девицам скучно вместе...

Сердце, бейся и не бойся,
Ты должно весь век крепиться!
Я прошу тебя: напойся
Перед тем, как вдруг разбиться.

* * *

Не заглядывай в рот мне, Харон, —
Там ведь песня пока, не монета!
Вот когда она будет допета,
Жизнь свою позабуду, как сон.

Поплыву в твоей лодке, старик,
Разрезая подземные воды.
И увижу: иные народы
Населяют иной материк.

Заживу по законам иным.
Что в цене там — пока что не знаю.
Что отдам тому новому краю
Чем горды того мира сыны?

Только все ж попрошу у Богов,
Одного мне бы очень хотелось
Жизнь забудется, песня бы пелась
У зеленых земных берегов!

* * *

Умерший друг, ты помнишь ли меня?
Я так хочу поговорить с тобою.
Прошу тебя, не будь слепой водою:
Не загаси прибрежного огня.

Умерший друг, я в памяти храню
Все наши встречи: праздники и войны.
Не правда ли, мы были их достойны,
Я верен их прекрасному огню.

Умерший друг, но веришь ли ты мне?
Не станут Там мои слова смешными?
Ведь ты теперь с братьями иными.
Что делать мне, горящему в огне?

Умерший друг, пусть спит твой верный конь,
Не торопись во сне ко мне с ответом.
Пожалуй, нет нужды теперь и в этом:
В груди моей кончается огонь!

Я остываю, прошлое браня:
Я не успел поговорить с тобою!
И Лета жрет уже своей водою
Остатки догоревшего огня...

Умерший друг, ты узнаешь меня?

* * *

*Жена поэта Юрия Левитанского Ирина
была на 44 года моложе своего мужа!*

Ах, как ругали! Ах, как корили
Девочку — музу пенсионера.
Софья гадала: Любовь это или
Просто Надежда? А может быть, Вера?

Ну а поэт? Он же пишет «про это»,
Что бы сообщество ни закричало.
Это условие жизни поэта —
В жизни любить всякой жизни начало!

Ах, как корили! Ах, как ругали
Старого пьяницу: жены, как дочки!
Так вот и жили: не опровергали,
А подтверждали суть пушкинской строчки!

Так вот и умерли: старый — в могилу,
А молодая — толпе на съеденье...
Кто теперь вспомнит, где юную силу
Черпал поэт, сев за стихотворенье.

Пели, как жили и жили, как пели.
Мудрые песни бессмертия выше!
Многие слушать их не захотели.
Тот же, кто хочет, всегда их услышит!

Ночной снегопад

Фонари, как огромные краны:
Истекает из них снегопад.
Он залечит суровые раны
Изуродованных автострад.

Он побелит скамьи и машины,
За ночь спрячет собачьи следы
И украсит высоток вершины,
Чтобы были, как горы, седы!

Он к полудню уже не растает,
Потому что уже не ноябрь.
Он, напротив, все точки расставит,
Все покроет от «А» и до «Я».

Только пес, одуревший от воли
И от этой сплошной белизны,
Будет сбрасывать с шерсти, как с кровли,
Снегом ставшие зимние сны.

* * *

Ну что, скажи, меняет эта ночь, —
Сидим и снова свечи жжем с пристрастьем.
Я даже пить вино готов помочь,
Но нет начала в нем любви и страсти...

Соседи ждут, что пробки в потолок,
Собака, — что куски закуски на пол.
Но ни того, ни этого не смог
Тот вечер. Лишь свечою грустно капал.

И только утро радость принесло,
Когда на стол, как снег, легла бумага!
Был это Бог, иль просто ремесло,
Или лентяя наглая отвага

Попробовать словами объяснить
Слезу, в тот миг блеснувшую свечами,
И парафина тоненькую нить,
Вид лавы принимающей ночами...

* * *

В парке заснеженном стынют слова.
Ты им не веришь, и я им не верю.
Съела метель половину ствола
Каждого дерева. Только к апрелю

Черными-черными станут стволы,
Белыми-белыми помыслы станут.
Снежные горы, как будто волы,
Зиму утащат в холодные страны.

Теплым словам я поверить готов,
Взглядам горячим любовь обещаю...
Но у обросших зеленых стволов
Вновь почему-то тебя не встречаю.

Зимний вечер

Когда январское краснеющее солнце
Под вечер лижет лапы старых елей,
Мне кажется — землей плененный стронций
Становится опасней и смелее!

Вот-вот взорвутся и планета, и светило,
Но «синий» умирляет вдруг «багровый»...
В который раз мгновенья не хватило,
Но этот финиш — старт попытки новой!

Кого же, право, удивишь такой картиной:
Нет человека, кто бы ни заметил,
Что солнце звездная затянет паутина...
Я о другом: так ясно, что нет смерти!

Ангел

Улыбается Ангел, — я песни пою.
Улетает, — рыдаю и горькую пью.

Не пою, не горю, слова не говорю.
В сердце черная ночь не пускает зарю.

Где ты, Ангел, бываешь, ужели тебе
Так приятно о горе трубить на трубе?

Где ты, Ангел, летаешь, ужель ты меня
На успевшего гимны пропеть променял?

Улыбнись мне, как прежде, — я буду в раю.
Перед смертью шепни мне хоть «баю-баю».

Все равно буду я благодарен судьбе:
Мне ведь Ангел шептал и играл на трубе!

Крупье по имени Весна

Ноябрь, декабрь, январь на убыль —
Уж скоро кончится зима.
Леса свои откроют клубы,
Свои игорные дома!

Монеты, фишки — все пустое!
Что зелень стертого сукна?
Не терпит фальши и простоя
Крупье по имени Весна!

О, мне ее известны ставки,
Я был ее учеником.
Она сначала стелет травки,
А после колет тростником!

Но разве ты поверишь в это,
Когда еще лежит снежок.

Когда губами не согретый
Пока что спит ее рожок.

Все там оставлю, все до нитки,
Умру на зелени полян.
Придет сентябрь, — сочту убытки,
А выиграю, — стану пьян!

Ах, что за чертова забава:
Идти по жизни наугад,
Не знаю, что Успех и Слава —
Лишь межсезонный маскарад!

* * *

В чуть дышащем зеленом теле леса
Прекрасной раной губ твоих костер.
Мой взгляд небрежно остальное стер,
Не проявляя больше интереса
Ни к солнцу, ни к росе, ни к крику птиц.
Все на мгновенье умерло, исчезло,
В твоем лице оттенки сотен лиц,
Но ты, легко взмахнув листом, как жезлом,
Чудесно оживила все вокруг.
Все вновь затрепетало, заструились
И трели двух пичуг,
Ручьями слились,
Как плотно свились стебли наших рук.

* * *

Войду в твою мастерскую,
От свежести опьянею.
— Что нового? — Проворкую
Какую-то ахинею.

Увижу сплетенье линий,
Сплетение слов услышу,
Узнаю, как запах лилий
Вползает тайком под крышу.

Заученное — забуду,
Как будто задую свечи,
И дней безрассудных грудю
Сменяю на тихий вечер.

У Бога вымолю ливень,
Повешу тоску на рее.
И запах линий и лилий
Ударит еще острее.

Твоим подмастерьем стану,
Умру, мелки растирая,
Сегодня... А завтра (как странно)
Продолжу поиски рая.

* * *

Собачий холод. Найденный футляр
Очков разбитых. Кофе на столе.

Подсохший за ночь ручки капилляр.
Смеющийся на полочке Рабле.

Прогулка под дождем. Горячий душ.
Молчанье струн. Рябиновый букет...
Прийти ты можешь, только не разрушь
Покой, живущий в доме много лет.

Я со стены гитару не сниму —
Она не сможет песню повторить.
Узор сплетен, добавит ли ему
Изысканности старенькая нить?

Быть может, прочности? А, впрочем, что гадать:
Гитара спит, но жив в душе мотив...
И не забудь с собою дочку взять,
И томик Блока тоже захвати.

Осенний марафон

Остановку лишнюю проеду,
Выйду на углу, где, помню я,
В старых ивах спрятана скамья,
Там я обнимал тебя, как Леду.

Со спины чернеющей доски
Желтый лист сниму — он первый в кроссе,
Победил... и умер. Это осень.
Кубок — чаша, полная тоски.

Так и я, на финиш выбегая,
Обгоняю многих, но, увы,
Средь морозцем тронутой листвы
Пара обнимается другая.

Девятый возраст

Девятый возраст. Мне уже за сорок.
Я раб вещей, мне дом уютный дорог,
И так же несвобода дорога,
Как некогда любимая свобода?
Спросите-ка у бедного народа,
Какая власть желанна — что строга!

Девятый возраст. Девять, а не восемь
Мое число. А девять — это осень!
Уже горит сентябрьский желтый свет.
Но голос флейты мокрого асфальта,
Безумно понижаясь до контральто,
Подсказывает мне: предела нет!

Колодцы-клапаны иначе день откроет,
И музыка иная звонким роем
Меж листьями сырыми полетит.
Ах, этот новый голос, — кто же ропщет,
Уйду за ним в оливковые рощи,
В сады Эдема — кто мне запретит?

Девятый возраст. Он немного странен.
Я им, как дикий зверь, досадно ранен.
Хоть знак его — Разумная Душа,
Я все равно безумствую покуда:
Как мальчик жду неведомого чуда
И строю рай под крышей шалаша!

Девятый возраст. Он не угрожает,
Напротив, награждает урожаем,
Плоды его и спелы, и сладки,
Как чуть морозцем тронутые вишни...
И все же я прошу тебя, Всевышний,
Ты мне рубаху новую сотки!

По возрасту — знать, красную рубаху,
В которой можно смело и на плаху, —
Пора за прожитое отвечать!
Не убегать, не прятаться, не злиться.
Покаяться, коль грешен, вновь родиться...
Девятый возраст — вот его печать.

* * *

За озером — березовая роща,
Утиных стаяк метки на воде.
Без этой дали было бы мне проще
Определить познания предел.

Но есть она: то тихая, немая,
То давящая гулом облаков,
Манящая веселой краской мая,
Пугающая отблеском оков...

Уж первый лед грозит прибрежным травам,
Меняя жизнь движения на сны.
Шумел камыш — отобранное право...
(Гуманно, впрочем, только до весны.)

Но именно по этим странным звукам
Сверяю я родившийся мотив.
Вот стонет оценившаяся сука,
Вот врет сорока, хвост позолотив.

Вздыхает озеро, и тихо шепчет роща,
Огонь на строгость линий променяв...
И дней осенних непонятный росчерк
Вдруг ясной песней льется из меня.

У больничного окна

Меня обокрали, —
В палате затянута пленкой окно.
какие-то крали
Кричат мужичкам, что скучают давно.

Размыты их лица,
Лишь в вазочках белых — букеты волос.

Вся жизнь, как больница?
Терзает ночами законный вопрос.

Мой взгляд притупился,
В артериях реки подернулись льдом,
И лодка от пирса
Под утренний ветер выходит с трудом.

И парус, как сети,
И сети пусты, как пустынный песок.
И тает, как в Лете,
Богами с надеждой отпущенный срок.

И Кольца Сатурна —
Лишь только подобие строгих колец.
И к звукам ноктюрна
Под крики войны привыкает юнец.

С покоем в разладе
Нелепость, неясность, обман — все одно...
В больничной палате
Затянута матовой пленкой окно...

* * *

Дверь — не дверь, стекло разбито,
Суета и мишура...
За стеною два бандита
Водку пьют, кричат «Ура!»

За окном троллейбус едет,
Будто парусник плывет,
Провода из красной меди
Превращает в желтый йод.

Город теплой ночью тает,
тают чувства без тепла.
Или зреют? Я не знаю,
Где граница, где черта?

Пахнет йодом, пахнет драмой,
Одиночеством, стихами...
(Проза — за оконной рамой
Люди с сумками, грехами.)

Снегом талым, что ложится
На безмолвную ложбинку.
Но неведомый возница
Не спешит загнать пластинку.

Умер Пако де Лусия,
За стеною стихла пьянка...
Ты жива ль, моя Россия,
Бедолага, хулиганка?

Помни о Сократе

Ты смертельную принял

*цикуту от судей афинских —
Но не тебе, а себе
смерть обрели они в ней.*

Ах, как беспечно дни текут
В страданиях и гульбе.
И вот уже несут цикуту
Не внявшие тебе.

Понявшие тебя молчат,
И белый флаг в руках.
У них еще сильнее яд:
Предательство и страх.

И кто опасней для тебя —
Те, кто замки замкнут,
Иль те, кто, вроде бы щадя,
Уже несут цикуту?

Что делать? Пей — коль не поешь
Ты песни, что нужны
Тем, у кого в кармане нож
Почти для всей страны...

Проходят дни. Века текут.
Надежда так бледна...
Несут цикуту, несут цикуту...
И чаша та — без дна!

* * *

Со мною трудно: пес на сене,
Или оторванный листок.
Горю в огне костров осенних —
Тепла на грош и дым не впрок.

Со мною скучно: я в печали
Плыву по жизни. Парус — грусть.
А ты годами на причале
Все ждешь в надежде, что вернусь.

Но мне с тобою так покойно, —
Как хорошо, что есть причал.
Как хорошо, что после войн он
Меня, побитого, встречал.

И с этой думой о причале
Я ставлю паруса — домой!..
Но где-то чайки закричали, —
Ну что поделаешь со мной?

В полете

«Внимание! Уже в эфире!», —
На теле-, радиоволне
Так просто стало в этом мире:
Вот я — к тебе, вот ты — ко мне.

Быть может, там, за облаками,
Где мы по вечерам парим,
Не машем в гневе кулаками,
Без оскорблений говорим.

Быть может, там, под звездным душем,
Смыв все пороки наших тел,
Мы стали так чисты, что души
Светлы, как свет, белы, как мел.

Не потому ли нас волнует
Обычный, но летящий лист?
Пусть лишь мгновенье он колдует,
Как цирковой эквилибрист.

И так же, видимо, в полете,
Когда в эфире я, как он,
Мою вы душу узнаете,
Отбросив лишнее, как сон.

Маме

Все ль становятся известными,
На скрижалях остаются?
Кто-то станет просто песнями,
Что поются и поются.

А кому-то доля выпадет
Стать уютным теплым домом.
Страшный пес — тот будет выглядеть
Грозной молнией и громом.

Тихой ивой станет ладушка, —
Только кто об этом знает?
Загрустит одна у камушка
И прольет слезу, родная.

Да и что вперед заглядывать, —
Будет день и будет пища.
Надо жить и близких радовать,
И вставать над пепелищем.

Позабыв о скудной пенсии,
Как и прежде, молодиться:
По земле ходить — так с песнями,
В небесах — так вольной птицей!

А придут раздумья трудные:
Кем остаться в этом мире,
Стань серебряными струнами
На моей печальной лире.

Полотно жизни

*Моим родителям Флоре Борисовне и
Владилену Васильевичу Шигиным*

Слава Богу, родители живы,
Слава Богу, что видят они:
Наши песни просты, но не лживы,
И трудами наполнены дни.
Ведь они нас учили тому же,
Их запомнилась тихая речь:
Затянуть ремешки можно туже,
А вот совесть и честь — побережь.

Эх, нехитрая это наука,
Все понятно от «Аз» и до «Ять».
Вот и внучку, и младшего внука
Наставляют ее изучать.

Слава Богу, все в толк, без промашки —
Оттого и светлы, и тихи.
Вот и стали нам впору рубашки,
Что носили мои старики.

Так устроена жизнь, не иначе,
А иначе и быть не должно;
День рожденья и смерти назначен,
Остается лишь ткать полотно.

И гордиться делами былыми,
Свято веря — крепка еще нить!
Ведь рисунок, что начат был ими,
Не захочется мне изменить.

* * *

Для чего я в гору качу
Этот камень глухих ночей?
Я любить тебя не хочу,
Я не твой, я давно ничей.

Не наивен и не слезлив,
Почему я грущу о ней,
Почему для тебя — Сизиф?
Почему для нее — Антей?

Потом каменщика облив
Сновидений тяжелый труд,
Я люблю этот странный миф,
Что придумываю к утру.

* * *

Беда: в провинциальном городке
Мы с вами посидеть нигде не можем.
У глаз недобрых, как на поводке,
Я вечно буду встреченным прохожим.

— Привет! — Привет! Как дети, как дела?
— Растет щенок... В саду собрали груши...
— Все живы... Только мертвые тела
Опять кричат: «Спасите наши души!»

Все бросить к черту и уехать в Крым,

Туда, где горизонт лазурный ясен.
И удушиться вечером сырым,
Вернувшись через месяц восвояси.

И нет проблем — все остальное — бзик,
Какой-то пунктик, комплекс, бред. Не слушай.
Но как и чем мне заглушить свой крик,
Свой страшный крик: «Спасите наши души!»

Беда: в провинциальном городке
Мы с вами посидеть нигде не можем,
Мы птицы вольные, но, кажется, в садке,
Нас продают дешевле иль дороже.

Меняют на слова, как на товар,
На уши от осла, соседки уши.
Уже с трудом я говорю слова.
Уже шепчу: «Спасите наши души!»

Но утром просыпаясь, каждый раз
Я вновь твержу упрямо звуки эти.
И значит, маячок мой не погас.
И значит, знаю я, как жить на свете.

Но вот беда: в провинциальном городке
Мы с вами встретиться который век не можем...

* * *

Мне нужная выпала карта,
Мне снова в любви повезло:
Четыре недели до марта, —
Смеюсь всем метелям назло

Четыре недели до первых,
Бегущих под льдины ручьев.
Гадалки, как водится, стервы,
Но мы-то уж не дурачье!

Я в сквере с цыганкой болтаю:
Гадай мне, цыганочка, ври!
Но дома усердно читаю
Надежные календари.

К чему мне натальная карта —
На кухне листок оторви:
Четыре недели до марта,
До марта, весны и любви!

* * *

Мы были худы и беспечны,
Судьбу целовали в засос.
При этом не знали, что вечны,
Что «жизнь или смерть» — не вопрос

Мы жили, как будто любили:
Еще, и еще, и еще...
За сны не цепляясь, мы в были

Вгрызались упрямым клещом.

Ах, это прошедшее время —
Грамматика небытия!
Опору твою, словно стремя,
Ищу, но не чувствую я.

Любовь — улетевшая птица.
Мечты — только «дом на песке»...
И все же хочу поклониться
Годам, что прошли не в тоске!

Безумствам, бессоннице — бесам,
Укравшим когда-то покой.
Пред тем, как покоям небесным
Махну ослабевшей рукой.

* * *

Не старайтесь — не запомните,
Как увядший лист летит.
Так в колясочке по комнате
Разъезжает инвалид.

Что за чудо-траектория,
Так не ходят корабли,
Потому-то и не спорю я
С притяжением земли.

Над полетом нахохочется
И уснет земная пасть...
Только все же очень хочется
Подстойнее упасть.

«Опять брожу в тарханском парке...»

Тарханская дорога

Опять тарханская дорога
Бежит вперед, зовет назад:
В век девятнадцатый, где строго
о четрежам размечен сад.

Там в круге вишенном беседка —
Неведомый души магнит.
В ней темной ночью и не редко
Горит огонь его ланит.

Так в старом доме на портрете
Между родителями — Он.
И в новые открытия эти
В двадцатом веке я влюблен!

Чертеж... Ученого догадка...
Усадьбы старой новый гул...
И слово — помысла облатка:

Не умер, просто спит. Уснул...

Осень в Тарханах

Кто осенью бывал в Тарханах,
Тот суть поэзии постиг.
Там в желтых лиственных барханах
Спит Михаил Архистратиг.

Там пруд на зорьке коченеет,
И отражения моста
То вдруг трепещут, то немеют,
Как у любовника уста.

Там ласточки под новой крышей
Уже успели гнезда свить.
Но к ноябрю все тише, тише,
И вот уже паучья нить

Поймает первую снежинку —
Ах, кто из них кому польстит?..
Свернешь на тихую тропинку,
И глядь — кремнистый путь блестит.

* * *

Т. М. Мельниковой

Опять брожу в тарханском парке,
Спускаюсь к зеркалу пруда,
Где след дрожит ажурной арки.
Вот тихий всплеск — и нет следа.

Так память: будто спит до срока,
Но ей, напротив, нужен всплеск,
Чтоб ярким полотном широко
Вновь развернуться. Словно в лес,

В нее вхожу, усадьбу вижу,
Осенний сад. Его наряд
Под вечер страстно ветер лижет.
Вот мальчик, дивный детский взгляд,

Который все воспринимает
Не так, как все. Он знает: дом
Его, как друга, понимает.
Он дружен с садом и прудом.

Он чувствует, как небо дышит,
Как плачут листья по стволам.
Он все запомнит, все опишет.
Он это все подарит нам.

Ах, этот мальчик — шаг неслышен,
Но сердце так болит в груди,
Что знает он, какой для Миши
Заряд на той дуэли вышел.
Все. Все, что будет впереди.

Праздник в Тарханах

«Есть речи — значенье темно иль ничтожно,
Но им без волненья внимать невозможно...»
Я с юности эти стихи берегу.
В них тайная заповедь, скрытая сила,
Надежда на то, что все будет красиво
На дальнем, желанном, другом берегу.

Не так ли костры, что под утро потухли,
Хранят под золою горячие угли, —
Пусть кто-то ворчит: мол, огонь не горит.
На том берегу, по ту сторону слова
Они говорят с нами снова и снова:
Мишель, Александр, Булат и Давид.

Иван и Марина, Иосиф и Анна...
И нам, здесь собравшимся, вовсе не странно,
Что снова меж нами их мысли и речь.
«Как полны их звуки безумством желанья,
В них слезы разлуки, в них трепет свиданья...»
Я буду их вечно любить и беречь.

Ожившие Тарханы

Кто бы мог тогда принять за драму,
Осудить усадебный уклад,
Если не вела дорожка к храму,
Не бежала тропка в дальний сад.

Поклонялись богу из металла,
Из металла лили гром речей.
Как земля тарханская устала
От крикливых «галок» и «грачей».

Но теперь, когда поставлю свечку
Я за упокой его души,
Знаю: края милого сердечко
Отзовется в вишенной глуши.

И поэта будто стукнет сердце,
Сбросив тяжесть вековых оков,
И подсыплет огненного перца
В пляску полупьяных мужичков.

Не гадай — то счастье или драма,
Просто такова Россия-мать:
Можем мы и в кабаках, и в храмах
Бога и поэта поминать.

Да и нет до этого мне дела —
Не сломаешь вековой уклад.
Лишь бы в честь него свеча горела
И вела тропинка в дальний сад.

* * *

Журавли в тарханской выси,
Журавли.
Нет прекрасней этих писем
У Земли.

Как военный треугольник,
Это клин.
Из краев далеких, горних
Пишет сын.

Сколько лет письмо летело,
Сколько лет!
Уж давно в могиле тело,
Сына нет.

Успокоиться бы надо
Светлым днем.
Да душа его над садом —
Журавлем!

Журавли в тарханском небе,
В сердце — грусть.
Закажу-ка я молебен,
Помолюсь.

Чтоб опять нам повстречаться
Помогли
Журавли. В Тарханы мчатся
Журавли!

Поэты

Поэты не жуют котлеты,
А пьют горячий шоколад.
На службу не бегут поэты,
Идут неспешно в дивный сад.

Сидят и плачут над рекою,
Их дни прелестны и тихи.
Вот так под белою рукою
И появляются стихи.

Поэты не жуют котлеты,
А пьют горячий шоколад.
Но заряжают пистолеты,
Когда разврата страшный яд

Грозит всем нам бедою черной,
Когда неправный гибнет люд,
Они к барьерам обреченно
Идут и косточкой плюют.

И надо же, дуэли эти
Вдруг отрезвляют весь народ.
Что ж пьянствуем который год —
Застряла пуля в пистолете?

Оттепель 1826 года

Восьмое сентября, среда,
Три градуса по Реомюру,
Москва. Сам царь зовет сюда
И предлагает мировую.

Народу — вина, пироги, —
Гуляй да пей, Девичье поле!
Поэту, Боже помоги,
Неужто в самом деле — Воля?

Все к черту: глушь, фельдъегеря,
Соседок легкая победа...
Москва. Восьмое сентября.
С царем неспешная беседа.

— Ну, здравствуй, Пушкин, не шалим?
— Наездник цел, загнали лошадь...
— Я буду цензором твоим...
И все же: вышел бы на площадь?

Как зябко в Чудовом дворце.
Как благосклонность иллюзорна.
Как мил терновый куст в венце,
Как горек вкус гнилого терна.

Но для поэта не вопрос:
Пророк он, раб или мессия.
Он снова встанет в полный рост,
За ним поднимется Россия.

Освободится от оков...
(О вы, наивные поэты!)
Чтобы вложить персты врагов
В заряженные пистолеты.

И вновь помчится в никуда,
Слепому верная аллюру...
Восьмое сентября. Среда.
Три градуса по Реомюру...

Сон о Черной речке

Живу в грехе: ленюсь и сплю ночами,
Хоть те кричат безмозглыми грачами —
Меня не будит их истошный крик.

Не слышу ничего и сплю, хоть тресни,
Пока мотив неспетой новой песни
Не унесет, как ветру верный бриг.

О чем она? О той кровавой бойне.
О том, что ни патрона нет в обойме, —
Я вновь с поэтом рядом становлюсь.

И тот, напротив, он один, но все же

Он убивает нас двоих, похоже.
Одним-то выстрелом?
Проснусь и удивлюсь.

И помолюсь, но что в молитве толку?
Переложу с подушки том на полку
И вновь сниму... И снова этот сон

Меня возьмет в объятия тугие,
Заставив верить, как и те, другие:
До Черной речки не доедет Он.

Письма 30-го года

Метет январь, выюжит февраль —
Летит письмо.
Сквозь смех и гнев: «Мон женераль», —
Судьбы ярмо.
Сквозь грусть и слезы: «Натали,
Ах, ангел мой...»
Уже метели отмели,
И вновь коснулся дождь земли,
Летит письмо.

Кто виноват и прав — не прав,
Кому долги?
Екатерину — в переплав,
Как дни долги!
Уж осень стелется — пора...
Игрок устал.
Засел за стол и лист порвал,
А над строкою лютовал —
Порвал уста!

Менять бы только лошадей,
Да нет пути.
Лететь бы,
Только крылья где?
Письмо летит.
Почтмейстер-пьяница, опять
Не то клеймо...
Ужель свободе не бывать
И холостому зимовать?
Летит письмо.

Тридцатый год, царев обман,
Удар судьбы.
К Татьяне-пьяной в стан цыган
Умчаться бы!
Чума, разлука, грязь, пожар —
прими гостей!
Пять карантин — «божий дар»,
Без лихорадки бросит в жар...
И нет вестей.

Мойка, 12

Над рекою повис
 снегом вышитый вечер,
 Как на Мойку, 12, мне идти не спеша?
 Может быть, для меня это —
 главная встреча,
 И от мысли такой ускоряется шаг.
 Где-то здесь его вздох,
 вздох последний таится,
 Где-то здесь его дух, —
 меж людей и меж стен.
 И мелькают из жизни ушедшие лица,
 И смеется надменный господин Геккерен.
 Он не знал, тот холуй,
 что не гибнут поэты,
 Что в могилу, как труп,
 не положишь стихи...
 Ну-ка, Костя Данзас,
 заряжай пистолеты!
 Отчего над Невой вечера так тихи?
 Отчего же теперь отменили дуэли,
 Отчего мы врагам не смеемся в лицо?
 Я б на Черную речку
 раза три на неделе
 Выходил бы гулять
 и стрелять подлецов...

Над рекою повис
 снегом вышитый вечер,
 Я на Мойку, 12, не иду,
 а лечу.
 Может быть, для меня это —
 главная встреча,
 Может быть, только там
 гордым быть научусь.

Поэты пушкинской поры

В субботу, оставаясь дома,
 Вдыхая чайные пары,
 Люблю листать страницы тома
 «Поэты пушкинской поры».
 Там «жертвы мыслей безрассудных»
 Царям нешуточно грозят,
 Там в море бед лихое судно
 Ведет Пловец. Там азиат
 «В плену ждет низкого спасенья»,
 И мглу години роковой
 Лишь украшает лист осенний...
 Все это пушкинской порой
 Теперь зовется. Но обидно,
 Что в тень уходят имена:
 Козлова, Дельвига не видно,
 Молва не обременена
 Стихом Языкова и Глинки.
 Давыдов с Гнедичем — в тени.
 Неужто нам справлять поминки,
 Неужто сочтены их дни?

Неужто их сметет всем роем
Наш информационный взрыв?
Нет, нет! Мы том сейчас откроем
«Поэты пушкинской поры».
И замолчат вокруг машины,
И встанут Боги чередой.
«Шуми, шуми с крутой вершины,
Не умолкай, поток седой!»

Письмо Лермонтову

«Поручику Тенгинского полка» —
Пишу рукой дрожащей на конверте.
Здоров и не сошел с ума пока,
И точно знаю, что писать, поверьте.

Вот только почта — справится ль она?
Вот только время — совершится ль чудо?
Как на дуэли ранена страна,
Но не упала и жива покуда.

Все правильно, и именно теперь,
Пока в пути губительная пуля,
Меж временами распахнулась дверь,
И замерли два века в карауле.

Все совпадает, именно сейчас,
Когда стреляет в грудь мне государство.
Мы сможем свидеться, поняв в который раз:
Любовь его — лишь скрытое коварство.

Мартыновы, — ломается строка, —
Вы слышите? Не лгите, что уснули.
Поручиком Тенгинского полка
Я защищен навек от вашей пули.

Поэта грудь — что сына Бога грудь:
Копье иль пуля жизнь не остановит.
Окончен путь земной, и снова в путь
К неясной, дальней и прекрасной нови.

Минута откровенья коротка,
Прекрасен миг рождения и смерти...
«Поручику Тенгинского полка» —
Пишу рукой дрожащей на конверте.

Судьба поэта

От чего так случается, право:
На любого найдется управа,
Успокоится всяк под уздой.
Убедится живой или мертвый:
Жить придется и с Богом, и с чертом.
Вот таков и поэт молодой.

Он уже с малолетства, с пеленок,
В Бога верит и все же — чертенок.

С чертом пьянствует, но до поры.
То смиренный монах, то раскольник,
То буян, то прилежен, как школьник.
Превращенья ему — как дары.

Лишь одно невозможно поэтам:
Кухенрейтеровским пистолетом,
Угрожая смертельно, шутить.
И свой путь и судьбу выбирая,
Умирают поэты, играя, —
Ну не с чертом же вечно дружить!

* * *

*Когда мой прах, смешавшийся
с землей...*

М. Лермонтов

Не смешан прах с землей — так уж случилось.
В те дни так время медленно сочилось...
А после, уж когда прошло сто лет,
Никто не смог отважиться на это,
Подумав, что сии слова поэта...
Мол, для порядка их сказал поэт.

Не смешан прах с землей. Не спрятан в теле
Родимой стороны — мы так хотели,
Чтоб каждый мог приблизиться к нему.
Нам кажется, любовь сильнее слова.
Поэта слова? Это что-то ново!
За мысли эти нас не проклянут?

Не смешан прах с землей. Завет нарушен.
И тяжкий грех нам сковывает души,
Как сковывает прах его металл.
И вместо ручейка, сухим-то летом,
Течет река поклонников поэта,
Но он, я знаю, о ручьях мечтал.

Не смешан прах с землей. Не потому ли
Ни разу тучи нас не обманули.
И всякий раз над склепом именным
заплачет небо и дождем струится,
И быть ненастным день Его стремится
И, кажется, не хочет быть иным.

* * *

Лето — время для поэта:
Коротка любовь и ночь
Что луною не согрета...
Лишь поэту превозмочь!

Лето — время для сонета:
Три строфы и эпилог.
Только гений ночью лета
Создавать поэмы б мог.

Жизнь мелькает: увяданье,

Юность, мудрость старика.
Все этапы мироздания,
Жизни мутная река.

Что в финале? Невпопад —
«Не забуду...». Снегопад...

Поэты

Поэты? Я знаю поэтов,
У нас не обласкан поэт.
Разуты они и раздеты,
И сорваны с них эполеты,
И выдан им волчий билет!

Помилуйте, совесть народа?
Ну, что же, пожалуй, и так!
И равенство им, и свобода,
Хвала человеческого рода...
Зачем же сорочка и фрак?!

Пустота

*Растленье душ и пустота.
Что гложет ум и в сердце ноет, —
Кто их излечит, кто прикроет?..
Ф. Тютчев*

Вот ту, вот то, вот та...
Погоня за вещами.
Ах, эта пустота —
Дурное завещанье.

Вот ту, вот той, вот те...
Подобны мы мотору.
Как в этой пустоте
Душе найти опору?

Вот ту, вот тем, вот той...
Растленье душ не внове.
Неужто с пустотой
Не справится век новый?

Неужто пустоты
Болезнь неизлечима,
И сожжены мосты
К холмам духовным Рима?

Сомненья неспроста,
Все это — не пустое.
Ум гложет пустота,
И снова сердце ноет.

Наследство

*В стихах все должно быть некстати.
А. Ахматова*

В стихах все должно быть некстати,
Как в старенькой общей тетради,
Где рядом с задачей — диктант.
Как в тихой больничной палате,
Где свалится вдруг на кровати
Со службы подпивший десант.

В стихах все должно быть неверно
Пусть раньше распустится верба,
Хочу я ее целовать,
Когда в январе мне так скверно,
Что пишется мало и нервно.
И силы нет это сломать.

В стихах все должно быть случайно
И весело необычайно,
И грустно ужасно притом.
Некстати, неверно, случайно,
Чтоб не захотелось скучать вам
И вновь обниматься с котом.

Хариты

*На вешний лад я струны перестрою
И призову приветливых харит...
М. Кузьмин*

О, вечно юные хариты,
Как подружиться с вами мне?
И двери, кажется, открыты,
И сердце, сердце по весне.

Но что за темная завеса
Мешает вам лететь в мой дом?
Ужели дочерями Зевса
Приговорен я, как судом?

И вешний лад мне не под силу,
И струны петь обречены
Про путь во тьме, да про могилу,
Да про причудливые сны,

В которых что ни день, то осень,
И реквием — любой мотив.
Где же сияющая просинь,
Где песня, чтобы, подхватив

Ее одну, я сразу понял
Гитарный лад в руках горит,
И Аполлон спустил с ладони
Ко мне на струны трех харит!

Август Анны Ахматовой

Она боялась в августе
Своих чеканных слов —

К революционной радости
Расстрелян Гумилев.

Бывают в жизни гадости —
Живи, их гнев презрев.
Но, как нарочно, в августе
В застенки брошен Лев.

Что боль жены и матери —
Вновь август у ворот:
Теперь решеньем партии
Ей затыкают рот.

И умопомрачение,
И Сталину поклон...
И долгих зим лечение,
Все взявшее в полон.

И привыканье к сладости
Любви на склоне лет.
Но только нет, не в августе,
Не в августе. Нет, нет...

Давид Самойлов

Не сплю, науку постигаю
Бессонницы и точно знаю:
Герой по имени Давид,
Как сгорбленный Атлант, не спит.
Я так его воспринимаю.

Стоит у берега морского,
В душе волненья нет мирского
Теперь уже. Прекрасен вид:
Стоит над волнами Давид.
Я так люблю его такого.

Он порохом пропах немного, —
Такой была его дорога
По травам докембрийских плит,
Их мял коленями Давид
В солдатской плащанице Бога.

И выжив в страшной мясорубке,
Он пристрастился к мирной трубке,
Стихи слагает и дымит
Поэт по имени Давид.
Он первый мастер по закрутке

Метафор, образов чудесных...
Но среди нас ему уж тесно,
И вот над нами он парит —
Прекрасный, царственный Давид.
И слышимый, и бестелесный.

Не сплю, науку постигаю
Сплетенья слов и точно знаю,

Что за плечом моим стоит
Солдат, Поэт и царь Давид —
Я так все это понимаю...

Симонов и Бунин

Ел селедку с черным хлебом,
Плакал и переживал,
Что его парижским небом
Бог к Европе приковал.

Поздравлял страну с победой,
Знал о подвигах солдат...
«Ну так что же?» — «Не поеду,
Нет дороженьки назад!»

Так сидели два поэта,
Был один — герой войны.
А другой (как странно это)
Был изгой своей страны.

Он героем станет позже,
Он возьмет свое, поверю
Так в театре в царской ложе
С опозданием скрипнет дверь.

Вспыхнет занавес атласный,
Шум толпы сойдет на нет.
И в тиши всем станет ясно:
Вот он Бог, вот он Поэт!

* * *

Лежу, читаю Пастернака,
(С утра в постели — это плюс!)
Для близких нет вернее знака:
Я болен и не тороплюсь.

Бинты, лекарства — все пустое,
Я болен им. И жив лишь им.
С ним собираю стены Трои,
С ним воскрешаю древний Рим.

С его снежком, что замечает
Полупустые города,
Является мне мысль простая:
Сильнее слова «Нет» — лишь «Да»!

И снова вырастают крылья
На льдом изрезанной спине.
Уходит ощущение «был я»...
Я есть! Любовь жива во мне!

А значит — Бог пока со мною,
И это самый добрый знак...
Не зря Ковчег достался Ною,
Спасибо, доктор Пастернак!

Стихи в альбом

Женщине, родившейся под знаком Козерога

Двенадцатый дом одиночества —
Мой дом... Оказалось, и твой!
Фамилия, имя и отчество
Не в счет, если силою той

Мы связаны, будто повенчаны,
И не разорвать этот круг:
Ведь силы слепые, но вечные
Сильнее и лет, и подруг.

Двенадцатый дом одиночества —
Он крепок, но нет в нем дверей.
Он очень подходит для творчества,
В нем стал я сильней и мудрей.

Игра? Да, пожалуй, не хилая!
Вся жизнь моя ей — не цена.
Вот только не скажешь ей: милая,
Подвинься, ведь ты не стена.

И каждому, видимо, хочется
В иные дома и миры...
Двенадцатый дом одиночества —
Условие нашей игры.

* * *

Всю неделю мне не до работы —
Будто дел на свете больше нет.
Как калека в церкви, жду субботы
И твоей улыбки мягкий свет.

Буду рифмовать «морозы» — «розы»,
Повторять сто раз «любовь» и «кровь».
Не новы слова! Но хватит прозы!
Буду жить страстями вновь и вновь!

И не важно — будет ли услышан
Голос мой негромкий. Буду петь,
Падать, но карабкаться все выше,
Чтоб к вершине засветло успеть.

* * *

Валерию Сазонову

Шестьдесят — уже не лето,
Шестьдесят, пожалуй, — осень:
Желтых листьев эполеты,
Терпкий запах мокрых сосен,

Дым костров и аромат
Вересковой трубки старой...

Но блестят клинки и латы,
Но пьянит вино гитары!

Но манят еще (и сильно)
Изумруды дней весенних,
Профили головок стильных...
Ласточка что прямо в сени

К нам летит — хороший вестник:
Не одна летит, с весною
И с гитарой — значит, песней,
Как весной, тебя укрою.

Окунемся в эти звуки,
Унесемся в чудо-дали.
И забудем о разлуке —
Грустной стороне медали.

Ведь награда — только встречи,
Только слов волшебных сказка,
Только песня! К черту речи,
Будешь песней ты обласкан!

* * *

Я кажусь Вам стариком —
Знаю.
Но меня зовут при том
Зая!
Кто зовёт? А не скажу...
Дама.
Только я на вас гляжу, —
Драма!
Мне не хочется ничуть
Лести.
Можно я для вас включу
Песни?
Или выброшу я их
Вовсе...
Не делима на двоих
Осень.

* * *

Вот вернется Дама Логика —
Все по полочкам разложит.
Так ударит, будто ломиком,
Втиснет в прокрустово ложе.

И куда там Даме Взбалмошность
Продолжать свои затеи?
Вслед за Логикой к нам — Дама Злость:
Подождивать потери.

Дамы
Дома —
Дым в Галактике,
Так проходят зимы, лета...
Что тут скажешь, это практика:

Дура
Дама бьет Валета!

* * *

В. Юракову

Вы счастливы, что вам пишется,
А мне не пишется — что ж!
С небес голоса не слышатся,
И в горле по ручку — нож.

Вы счастливы, что вам можется,
А мне не можется — ад!
Но чувствую кожей: кожица
Почек трещит...Аромат

Словесного взрыва чудится.
Бог даст — и пойдут плоды:
Гриф станет широкой улицей,
Дворами станут лады.

Там праздник плеснет, да за полночь!
Там влюбится даже шут.
Там песни возьмутся вам помочь...
Да только к утру умрут.

Умрут на губах, не верите?
Не лягут на гладь листа,
Как ловко садятся лебеди
На воду... Без креста

Не выстоит и часовенка...
Так что же я, человек,
Листу не молюсь бессовестно.
Успею, не кончен век?

Вы счастливы, что вам пишется,
А мне не пишется, вот...
Но скоро, как почку, ижица
Крестом разорвет мне рот.

* * *

Пели все, но тише всех мой друг.
Только, всё же, кто-то вдруг заметил:
А его гитара — крепкий лук,
Песни — стрелы. Не помеха ветер

Громких слов, насмешек, суеты...
Тишина не хуже смеха дразнит!
Вот в чем дело, выводы просты:
Тише будь и пересилишь праздник.

* * *

Стихи в альбом

Чтоб стать ближе, пишу издалёка:

Минус тридцать — из семьдесят четвёртого!
Там бы я влюбился в Вас, Лёка.
Ну, а здесь — седина эта чёртова...

Что же делать: серебряной ниткой
Связан здесь, как канатом, — не справится!
Там бы я, пусть и с сотой попытки
Сеть порвал и сумел Вам понравиться.

Там бы я натянул звонкий парус...
Минус тридцать? Да в шторм, да без якоря!
Ну, а здесь... Ох, боюсь, что не справлюсь.
А не справлюсь — умру же, себя коря.

Что же делать, как время стреножить?
Может быть, через тридцать — хоть вы ко мне?
Захватите флакончик «Быть может»,
Шторм закончится, высохнем на корме...

Но без бури любви не бывает.
Ах, какая банальность! И все же мы...
Потерпите, вот дымка растает...
Все ли тросы на баке уложены?

* * *

Бежать по кругу — наш удел:
Земля бежит по кругу,
Мы тонем в круговерти дел,
В кольце забот упругом.

И разорвать бы этот круг...
Да нет пути иного!
Рискнешь — и понимаешь вдруг:
Круг нарезаешь новый.

* * *

Катя, Катя, Катерина —
Нарисована картина.
На картине мы с тобой:
Ты — молодка, я — седой.

Ты — голубка. Воркованье —
Вот твое навек призванье.
Старый ворон я теперь, —
Мне бы надо в круг тетерь.

Но манит другая стая,
В ней голубка молодая...
Эх, удача, два крыла:
Была рядом — да сплыла!

* * *

Шум из окна не заглушает песню,
Шум из окна позволит нам понять,
Что песней мы не сможем мир обнять,
Но с миром петть гораздо интересней,

Чем в одиночку. Что поделаться тут:
«Весь мир — театр, все люди в нем — актеры»...
И шепчет мне Шекспира дух матерый:
Открой окно пошире, милый шут!

Песенка

Не такая, не такая, не такая...
Я ищу тебя, но не могу найти.
Исходил я Русь от края и до края,
Перетасовал дороженьки-пути.

А какую, а какую, а какую
Ты мне встретишься? Бог тайну бережет!
Будет песенка твоя такой рекою,
Что омоет мой пустынный бережок.

Ах, какими, ах, какими, ах, какими
Станут острые края его камней?
Приласкает их и песенка, и имя
Этой девочки, явившейся ко мне.

И такую, и такую, и такую
Я приму тебя любимую, приму.
Осторожно и прекрасно атакую
Пару ручек, милых сердцу моему.

Вот такая, вот такая, вот такая
Ты нужна мне: верит сердце, бог простит!
Исходил я Русь от края и до края,
Перетасовал дороженьки-пути...

* * *

Нет ничего печальней юбилея,
Где килограммы сладкого ел
На вас прольются, — к вечеру б отмыться...
Завидовать приходится лишь птицам —
Их век не долог, не воспет поэтом,
Но главное, конечно же, не в этом:
Ах, как бы петь до смерти научиться!

* * *

Лень, болезни, скуку — на фиг!
Жизнь диктует новый график.
Предлагается такой:
Упраздняется покой.
Отменяются лекарства,
Нет страшнее их коварства.
Предлагается покой
Девой заполнять такой,
Чтоб не стыдно вспомнить было
Как лечила, как любила...
А иначе все на кой?
А иначе — все! Покой!
Но идет на нас попойка,
Но звучит приказ: по койкам!
Новый график — он таков:

Он не любит дураков!

* * *

Людмиле Лозицкой

Июнь. Под вечер — тишь.
Вода в реке сверкает,
Беременный жасмин —
Невзорванный салют...

Пред зеркалом сидишь,
И боль не утихает,
И сто сладчайших вин
Печали не зальют.

Но разве не был день
Во всем тебе покорен?
И разве не в ладу
С тобой был рай и ад?

Таинственный Жень-Шень,
Искомый жизни корень,
Растет в твоём саду.
И этот сад — Театр!

Театр — и желтый лист
Здесь лепесток весенний.
Дождь весел, как чечетка,
А боль сладка, как мед.

Игрок играет в вист,
Собака спит на сене,
Булгаковская щетка
Летит, а не метет.

Сегодня Долли ты,
А завтра — Дульсинея.
Попробуй, опиши,
Ничтожное перо!

Стоим, разинув рты,
Краснея и немея.
Мы все — твои пажи,
От Яго до Пьеро!

Июнь. Под вечер — сплин,
Вода в реке сверкает.
Пред зеркалами ты,
И день почти угас...

Но за окном жасмин
Как будто намекает,
Что поутру цветы
Вновь одурмянят нас!

* * *

Вот чистый лист,

поставлю times new roman, —
Как будто этим кто-то застрахован
От робости и всякой ерунды.
Играть — так в вист,
И край колоды сломан!
Играть ва-банк, не зная, что солома
Спасает плохо в случае беды.

Падение —
Как следствие победы —
Не редкость в этом страшном мире. Беды
Приходят ниоткуда, будто снег.
Но мы во мгле
Улыбки ищем Леды,
Не помня Зевса строгие запреты.
Таков и есть Разумный человек?

Ты так больна:
Больны душа и тело.
И я болезнью поглощен всецело,
Болея за тебя своей душой.
Так болен я,
Что твой режим пастельный
Не выдержит мой этот тон пастельный,
И улыбнешься мне ты, Ангел мой!

* * *

Удел мой — ждать
И мучиться, и верить.
Ждет сына мать,
Шагов в ночи ждут двери.
Ждет солнца снег, —
Его удел растаять.
Спортсмена — бег,
Призыва юга — стая.
Ждет мира мир,
Жених — свою невесту,
Голодный — пира,
Мелкий хлыщ — ареста.
Ждут губы света
Губ других. Дождаться б!
Глаза — привета,
Ждет сестрица братца.
Ждет седина
Каштановой метели,
Надежд полна, —
А что же вы хотели?
Моя ладонь —
Твоей. До боли, дрожи...
Её прогонишь?
Неужели сможет
Твоя рука
Моей руке перечить?
Пройдут века
До долгожданной встречи...
Душа устанет
Петь свои молитвы

И в Лету канет.
Стихнут песен ритмы.
И лишь порядок
Слов и нотных знаков, —
Подобье грядок
Не проросших злаков, —
Юнцу расскажет
Через тысячелетье
О чувствах наших,
Утонувших в Лете...

Букет осенний прост...

* * *

Дни уж осенью беременны,
Вот и август на исходе.
Неужели это временно:
Все, что с нами происходит?
неужели это зыбко так,
Как в час утренний туманы?
Неужели это выткано
С чувством вовсе не обманным?

Мне слагать бы песню тихую,
Не жалеть для службы ладана.
Да отчаянной портнихой
Осень стала вдруг нежданно.
Раскроила сердце листика,
По неведомой мне моде.
Неужели это мистика:
Все, что с нами происходит?

Дождь идет, лист желтый валится, —
Не отменишь Богом данного.
И влечет меня (не справиться)
К тихой улочке Богданова.
Я плыву (а мне так хочется),
Как нелепый пароходик.
Неужели это кончится:
Все, что с нами происходит?

Загрущу под лампой матовой, —
Ведь за кругом света — омуты.
Том любимейшей Ахматовой
На столе лежит нетронутый.
Дни уж осенью беременны.
Вот и август на исходе...
Неужели это временно:
Все, что с нами происходит?

Баллада об увядшем листе

Представляете лист,
Лист осиновый или кленовый?
Не зеленый, как поле под вист,

А напротив — не новый.

Ждет его черный плат,
Станет листик ему позолотой,
Для влюбленных — дорогой,
Для дворника — новой работой.

Для меня — вновь родившейся
И улетевшей надеждой.
Для травинки, дождями сожженной, —
Уютной одеждой.

Кем он станет тебе,
Мой двойник одинокий и хрупкий,
Нотой «си» на трубе,
Зовом в море затерянной рубки?
Неуклюжей перчаткой
Из строчки Ахматовой Анны,
Поворотом в судьбе —
Непонятым, нелепым и странным?

Представляете лист,
Лист осиновый или кленовый?
Он спускается вниз,
Абсолютно забыв, что не новый.
И подряд на наряд
Второпях оформляет зеленый,
Потому что подряд
Сто веков в этот цвет он влюбленный.

Бедный листик, —
Разгневаны тополь, осина и клен.
Что ответит он им, обессиленный,
То, что влюблен?

Представляете, в диких лесах
Вдруг умолкнут все птицы.
Представляете, на небесах
Парки выронят спицы.
Станут пеплом стихи, музыканты глухи,
И закрыта
Книга, где над Москвой
Потеряла покой Маргарита.

Представляете, из-подо льда
Не проглянут озера...
Представляете, да?
Представляете? Вот фантазеры!

* * *

Осень, осень,
В желтой раме — просинь,
Одиноких просит
Не сходить с ума.

Осень, осень,
Солнце только в восемь,

На верхушках сосен
Белый флаг — туман.

Белый флаг... Боюсь,
Это я сдаюсь.
Победитель — грусть,
И до марта — плен...

Осень, осень,
Солнце только в восемь,
В желтой раме — просинь,
Остальное — тлен.

Остальное — блажь,
Не входите в раж,
Костерочек ваш
Теплится едва.

Осень, осень,
В желтой раме — просинь,
Как дымок, уносит
Старые слова...

Старые стихи,
Старые грехи.
Стали вдруг легки —
Призрачный туман...

Осень, осень,
В желтой раме — просинь.
Одиноким просит
Не сходить с ума.

* * *

Октябрьский дождь похож на гильотину.
О, мокрые листья, пришла беда:
Удар ножа вас сбрасывает в тину,
В корзину помутневшего пруда.

Кто не утонет, тот сгорит, не правда ль?
День передышки — будете сухи.
А уцелеете, так пнут ногою: падаль...
О, вечные и тяжкие грехи.

Хоть плачь, хоть смейся, — только нет ответа,
Зачем все так замысливал Господь?
Лишь плод созревший будущего лета
Заставит душу возвратиться в плоть.

Пока же нож блестит октябрьской драки,
И крик дерев невнятен, как санскрит,
Она листом, — дай Бог не в грязном баке, —
Вне мокрого меня горит, горит...

* * *

Купол церкви, — листья пали,
Виден мне теперь.

В неизведанные дали
Отворилась дверь.

Не звенят ручьи, как прежде,
Скоро первый лед.
Солнце рыжее все реже
По утрам встает.

Старики ворчат сердито:
Вот и помер год...
За проходим, будто свита, —
Листьев хоровод.

Этих грустных листьев стаи,
Осени сестер,
Дворник не спеша сметает
В тлеющий костер.

Зажигает спички скупю,
Медлит, старый лис...
Лишь над садом — церкви купол —
Уцелевший лист.

* * *

Опять заводит дождь
Песню дешевых крыш.
Жесть не стесняется в свинге
С каплями флиртовать...
На кухне варится борщ,
В спальне спит малыш.
Мать строчит на машинке,
Я стерегу кровать.

Третий день этот джаз
Бацает, только ну!
Танец его надоедлив,
Песня его горька...
Телик утешил нас:
Мочит, мол, всю страну.
Борщ мы уже доели,
Ждем сухого пайка.

Третий день, третий век,
Тридцать три тысячи лет
Мочат нас, — не замочат,
Мокрое дело шьют...
Но вырастет человек,
В кухоньке вспыхнет свет,
Губы свое пробормочут,
Но к вечеру запоют!

* * *

По всем приметам в первый класс
Я поступаю в осень эту,
И преуспею на сей раз
По всем предметам.

Я изучу полет листа,
Тумана плоть, рожденье влаги,
И буду дни с тобой листать,
А не бумаги.

И в том полете дней-страниц,
Устав, как раб в каменоломне,
Из сотен миллионов лиц
Одно запомню.

Твои глаза, твое лицо,
Последний гром — подобье вздоха,
И август рыжий — пальтецо,
Что греет плохо.

И будет мне наградой день
(Скажи, как мне его прославить?)
Когда ты скажешь: «Дребедень —
Оценки ставить!

Я оставляю вас на год,
Еще на год и в классе том же», —
(В любви ведь все наоборот)
И перестану быть я «бомжем».

Сегодня праздник — Третий Спас:
Прощанье с уходящим летом...
И снится мне — ждет счастье нас
По всем приметам.

* * *

Да, дружище, это осень —
Разум ясен, словно утро.
Только чуть тумана пудра
На лице больших домов.
Но уже струится просинь
И стеклянным перламутром
Режет окна, как страницы
Непрочитанных томов.

Осень — гулкое гулянье
На поминках пышных лета,
Золотистым эполетом —
Лист кленовый на плече.
Первых заморозков глянец,
Вот и в сердце их пометы...
Вечен этот мудрый танец
В неразгаданном ключе.

Ниже тучи, ветер круче,
В мягких листьях след непрочен,
Радость — чуть длиннее ночи,
Жизнь — короче октября.
В летних грозах спит поручик,
Камер-юнкер в снежных клочьях...
Только осенью, воскреснув,
Вновь со мною говорят.

Только осенью, представьте,
Вслух со мною говорят.

Нет, дружище, это слишком:
Изменять своим привычкам
И не мчаться в электричках
За предел добра и зла.
Там леса огнем маячат,
Мы сгорим в них, не иначе...
Суть всего — огонь горячий,
Остальное, брат, зола!

* * *

Комната на солнечную сторону —
Вот и все, что было нужно нам...
Что в степи погибло — черну ворону,
Что в пучину кануло — волнам.

Осень-стерва — штатная разлучница —
Все твердит сквозь галочий галдеж:
Что не получилось — не получится,
Что запропастилось — не найдешь.

Что разбилось — в целое не сложится, —
Тонет эта истина в вине.
Лишь озимых молодая кожа
Говорит совсем иное мне.

Осень жнет, да вновь готовит борону,
Горе пьет, да разольет вино...
Погляди, на солнечную сторону
Смотрит твое новое окно.

Август

Августа ладного
Легкая поступь,
Утро прохладное
Лезет под простынь.

Травы душистые,
Острые косы.
В поле не выстоит
Цвет купороса.

Небо что простыни:
С просинью где-то.
К осени, к осени
катится лето.

Катится, валится
С хлебушком вместе,
Долго ль страдалице
Плакать невесте?

Зимушкой дальнею
Время приспело,

Вкатится в спальню
Яблоком спелым.

Богу помолится,
Косу распустит,
Связанной горлицей
Станет без грусти.

Утром на радостях
Сходит к колодцу,
Вспомнит об августе
И улыбнется.

* * *

Букет осенний прост:
В нем веточка рябины,
Колючек блеклый цвет —
Разбойниц и нерях.

Дубовые листья,
Чьи выгнутые спины
Успели пожелтеть
На высохших ветвях.

Куда ему до роз!
Он прост, как лес, как поле.
Любимой в час ночной
Его не даришь ты.

Но сколько в нем души
Бескрайнего раздолья.
Последнего тепла
И нежной красоты

* * *

Ранним утром после грозы
Стану мудрым, стану счастливым,
Стану капелькой чистой росы,
Очарованным цветом сливы.

Стану нежным, стану другим.
Как зовут меня? Я не знаю!
Станом нежным, станом нагим
Залюбуюсь и опоздаю

В мир, где дождь — это только дождь,
А гроза для людей — ненастье.
Ты поймешь меня? Не поймешь?
Ты не счастлива? Есть ли счастье?

Ты не веришь? Конечно, есть!
До рассвета, до остановки,
До того, как примчится весть,
До того, как взбежишь ты ловко

На вершину. Оно в пути!
Сбрось тяжелого взгляда робу.

Есть возможность, как ни крути,
Опоздать на прозы автобус.

Осень

Дождь уже идет
Сутки.
Выспись, идиот.
дудки!
Тянет за порог
Осень.
Поскачу в лесок
лосем.
Соберу букет
Листьев
Да примечу след
Лисий.
Да еще другой,
Разный.
И вернусь домой
Праздный.

Туман

Я вновь пою тебя, туман,
И вновь назойливая рифма
Бежит в строку. И снова стан
Коварного не виден рифа.

Но я пою тебя опять —
Так велика цена вопроса.
Ведь это важно: научать
Нас видеть то, что дальше носа.

Плыву сквозь это молоко,
Любуюсь слепком очертаний.
Но встанет солнце высоко,
И я забуду о тумане.

Хотя словцо «самообман»,
Которое просилось в строчку,
Ассоциацию «туман»
Вдолбило в голову так прочно.

Рябина

Рябина бурая краснеет
И ждет, когда же детвора

Зацеловать ее посмеет?
Созрела — видимо, пора!

И поцелуй ее согреет —
Знать, не больна и не стара.

И губы кровью оросит
Ее любовь. И мальчик сыт.

* * *

Вы знаете, что только в ноябре
Церквушки сельские как будто подрастают:

Срывает ветер листья на заре,
И кроны пышные дерев печально тают.

А купола, напротив, стыд презрев,
Взлетают над погостом и блистают...

Так меж людей: коль заводила сник,
Покажется веселым и старик.

Осенний костер

Костер осенний не горит.
То есть горит, но как-то тайно.

Как роща, он заговорит,
Лишь с ветром встретившись случайно.

И, на мгновенье вспыхнув, спит
С амбициями розы чайной.

И снится желтому костру:
Он — лист зеленый на ветру.

* * *

Когда чернеющие воды
До марта льды от нас запрут,

Лыжни лихие хороводы
Пролягут прямо через пруд.

Нас убедив, что зимней моды
Фасон необычайно крут.

И только мы их рассмотрели,
Они отменены в апреле.

В саду

В саду уж нет привычной суеты,
Плоды отправлены на стол и в погреба.
Как старый человек, он стал простым:
Смешны ему и слезы, и борьбы.

Когда и ты отдашь, что в жизни накопил,
Почувствуешь и гордость, и покой.
Возрадуйся, пока точильщик пил
Не помахал тебе мозолистой рукой.

Осенние октавы

Люблю, когда желтеют травы
И поутру стоит туман,

Сесть за осенние октавы.
Тот, кто в поэзии гурман,

Меня поймет — не ради славы!
Они, как птичий караван,

Стройны, изящны, не крикливы —
Что и почувствовать смогли вы!

* * *

Будет хмурый ноябрь, чуть за полдень — темно.
Вечер — черное с красной искринкой вино,
Я его так беспечно люблю.
Будут губы, которые сводят с ума.
Мне неведом их вкус — ты решишь все сама.
Лишь хмельного вина пригублю.

Два билета возьму на чечетку колес,
Только б в музыку эту легкий поезд унес.
Полустанок — наш шепот в ночи.
И подсказкою — скорость набравший состав,
Повторяющий твердо дорожный устав:
«Зачеркни все и снова начни».

Зачеркну, разорву, все узлы разрублю.
Эту музыку новую не разлюблю —
Долгожданный, чарующий звук.
Выпью черное с красной искринкой вино,
Как меня в эту осень согреет оно:
Хмель твоих милых глаз, губ и рук.

Туман

Я пью осенний дух,
Он кажется на вкус сегодня странен.
Ах, это все туман.
Растает ли, — поверить нелегко:
Так затаилось все
И умерло в заманчивом обмане.
И значит, это он
Подлил в питье слепое молоко.

Я слепну день за днем:
Не вижу ни обмана, ни подлога.
Меняю малахит
На просто зеленеющую медь...
Но погоди, туман,
Не уходи, постой еще немного,
С приходом дня не тай
И дай в обмане сладком умереть.

Я к женщине иду,
Она живет вдали от шумных улиц,
Мы с ней не пьем вина,
Не проклиная близкую метель.
И не бежим на юг, —

Мне только что из жарких мест
вернулись:
я из квартиры душной,
Она из треста типа «карусель».

Мы смотрим на бамбук, —
Торговка уверяла, что китайский.
И яблоком хрустим, —
Ах, что за дивный запах, что за вкус.
И где-то далеко
Под парусом идем в залив Бискайский,
Давно уж потеряв
Нам якорем служивший грусти груз.
Но это все туман, —
Он одолел всех, кто живет в низине.
Бежать на косогор, —
Оттуда видно очень далеко...
Пока ж в его плену
Антоновские яблоки в корзине,
И женщины рука,
Пролившая на платье молоко.

Пес мудрее человека...

Рождественское утро

На будильнике — за восемь,
На термометре — под двадцать...
Пес гулять зовет: мол, просим
Потеплее одеваться.

Спит рождественское утро:
Ночью — праздник, в полдень — праздник.
Псу-то... Утро снежной пудрой
Влажный нос собачий дразнит.

Что же, из дому выходим.
Лени, — как и не бывало!
Что за утро! Что-то вроде
Запевалы, карнавала!

Пес несется, снег хватая, —
Вот пример замерзшим птицам!
Не спешит, однако, стая
Вслед за псом моим резвиться.

Дети спят. Коток походит
На пустующее блюдо.
Лишь по льду голубка ходит
Как рождественское чудо.

Возвращаемся в берлогу
Греться, пить вино и млеко...
Что за утро! Слава богу,
Пес мудрее человека!

* * *

На кухоньке шумит электрочайник,
Еще минута — и зовет труба!
Собака — наш единственный начальник
И без команды нас ведет туда.

Там сытно, там тепло и очень сухо.
Там не пугает группа «Руки вверх».
Соображает даже наша сука:
ТАМ наступает равенство для всех.

Всем — по куску. У каждого есть место:
Подумаешь: «над» или «под» столом!
Там женское, божественное тесто
Разумно над адамовым ребром!

Там просто рай! Ну, кто не жаждет рая?
Хозяйка режет жирные куски
Своим, но псина, кости пожирая,
Не сдохнет от рахита и тоски.

Ну а когда огонь в плите потухнет,
Возьмет нас в плен собачий лай и смех...
Правительство, учись у нашей кухни:
Пусть разные куски, но есть у всех!

Щенок

Рычит и вскидывает ухо,
Жует носок и ловит хвост.
Ворчит незлобно, лижет брюхо,
Ложится рядом во весь рост.

Свой нос сует под одеяло,
Не нос, а холодильник «Норд»!
И если потянусь я вяло,
Несется вскачь во весь опор.

Домашних будит лаем гулким,
И недовольный наш сосед
Все ждет: уйдем мы на прогулку,
И он проспит еще сто лет.

И мы идем, бежим и скачем,
И возвращаемся без ног.
Смеемся вместе, горько плачем.
Я — старый волк, и он — щенок.

И так живем, передавая
Друг другу опыт вековой,
такая смешанная пара,
Такой расчет наш боевой.

* * *

Медовый Спас — знать, Божий праздник,
А в нашем доме черт-проказник:

Щенок по кличке «безобразник»,
Хоть и не смешанных кровей.
Мы так уже гордимся ими,
Вот только не запомним имя.
Но это дело поправимо,
И нет для нас его родней.

Да, потому что мы — собаки,
Не год, а век в собачьей драке.
Когда ж с горы нам свистнут раки:
«Мол, сделайте хоть шаг назад».
А потому нам всем полезно
Взглянуть на вещи очень трезво,
Усвоим для себя железно,
Что жизнь собачья — это ад.

Но это у собаки взрослой,
Той, у которой ужин постный.
К щенкам прекрасным это просто
Ну, не относится никак!
У них и в мисочке порядок,
Их ужин сытен, завтрак — сладок.
Без всяких жвачек и помадок
Жизнь — мед у молодых собак!

Щенок у двери меня встретит
И праздник лужицей отметит.
Мол, это вам от нас приветик —
Подарок самый дорогой.
И нет прекрасней этой доли,
как я завидую Вам, Долли!..
Но человеку все же воли
Немного хочется другой!

* * *

Глаз таких во всей земной юдоли
Я не видел — сколько ни искал.
У моей смешной собаки Долли
Взгляд печальный и не злой оскал.

Копия хозяина? Быть может, —
Верю я психологам вполне.
Кто же нам, собака, подытожит:
Сколько, что, кому, по чьей вине?

Кто подскажет — ткнуться в чьи колени
И кому век преданно служить?
Охранять без страха и без лени,
Говорить без лести и без лжи.

За награды тявкать мы не станем
И на задних лапках не пойдем.
Мы заварим чай в большом стакане
И бульона в мисочку нальем.

Побредем по травам и по лужам
От боев собачьих в стороне.

Мы с тобою, пес, еще послужим:
Я — тебе, а ты, надеюсь, мне.

Сторожиха

Здравствуй, девочка родная,
Снова плачешь у дверей?
Точный перевод: «Одна я,
Где мой пес по кличке Грей

Ни хозяин, ни кормежки
Не заменят променад.
Эх, побегать бы немножко,
Забежать в соседний сад.

Там присесть, присесть под липой
Да у будки на углу.
С этой радостью великой
Я гулять хоть год могу».

Так собачьи разговоры,
Как могу, перевожу...
Хорошо, не знают воры,
Как под эти уговоры
Я... собаку сторожу.

На цепи

Мне сорок лет, тебе четыре года.
Я — не собака. Ты — не человек.
И все же мы с тобой — одна порода
Существ, всегда готовых на побег.

Нас не удержат поводок и клетка,
И не обманет сладкая еда.
Какой бы вкусной ни казалась репка,
Стоять в хвосте не будем никогда...

«Вы от кого бежать хотите?» — Боже,
Нас общая хозяйка будит: встать!
Да, мы с тобой, собака, так похожи,
Но все же мне с женой придется спать.

Дорога в гору, купола...

* * *

Дорога в гору, купола, —
Как эти линии люблю я.
Они как клятва поцелуя,
Как незлобивые слова.

Люблю плывущий к церкви люд,
Душе целительный молебен.
Хоть на минуту — не о хлебе
Мольбы. Люблю, когда поют

Прилежно, истово, светло
Не слишком стройные хористы,
И одинокий голос чистый
Вдруг вылетит через окно

И станет голубем на миг,
Заставив вновь поверить в чудо.
И среди опешившего люда
Я разгляжу знакомый лик.

* * *

Не смей сомневаться, Он есть!
И Он, как ни странно, страдает,
Когда, будто ржавчина, мечь
На сердце твоём оседает.

Не смей сомневаться, Он сам
Злодея накажет примерно.
И станет вдруг ясно всем нам,
Где было добро, а где скверна!

Не смей сомневаться, Он — Бог!
А ты — человек неразумный,
Который доселе не смог
Понять, что больной иль безумный

Не может решать и решить,
Кому испытать круги Ада,
Кому наслаждаться и жить,
И знать, что такое награда!

Не смей сомневаться... Но ты...
И драма все длится и длится...
И в хламе мирской суеты
Потерянный крестик пылится.

Ноев ковчег

*И помедлил еще семь дней других,
И опять выпустил голубя из Ковчега.
Бытие. Гл. 8*

Все живое погибло. Вода убывает.
На горах Араратских — последний приют.
Сорок дней и дождей. Ной окно открывает.
За окном только волны неслышно поют.

Неужели и ворон земли не отыщет, —
Ох, как любит он черную землю свою!
Сорок дней и дождей. А казалось, что тысячи...
За окном только волны неслышно поют.

Следом голубь летит. Разве голубь проворней?
Разве голубю легче в далеком краю?
Ведь невидимы ветви и спрятаны корни.
За окном только волны неслышно поют.

Но проходит семь дней, и с упрямством ослиным
Ной подходит к окошку: лети, голубок!
Возвращается голубь с листочком маслины!
Почему же его выбрал вестником Бог?

И ответ на вопрос мы находим, похоже:
Шестидневное бденье венчает седьмой!
Значит есть на Земле Провидение Божье.
Значит верил голубке молящийся Ной.

* * *

«Сердце мудрых — в доме плача!» —
Говорит Экклесиаст.
Там тебя не одурачат,
Обнадежат: Бог возраст!

Сердце глупых — где веселье,
Стол — не стол, и дом — не дом!
И накормят, и постелят —
Только встанешь ли потом?

Где ж твое, бедняга, сердце, —
Ведь ни мудр, ни весел ты?!
Где невидимая дверца
В мир тепла и простоты?

* * *

Отцветает миндаль,
Тяжелеет кузнечик,
И сыплется каперс...

Соломоновы притчи
Хоронят надежды,
Рождая печаль.

Время катится вдаль,
Оплатить только нечем
Билетик на катер.

Впрочем, он уже птичкой,
Схватив ветер свежий,
Уносится вдаль.

Отцветает миндаль,
Тяжелеет кузнечик,
И сыплется каперс...

Непонятные вещи
Не стали понятнее,
Только смотри:

Время — острая сталь,
Разрубая под вечер
Ступени на трапе,

Обжигает не плечи

Огнем на поляне,
А светом внутри.

Отцветает миндаль,
Тяжелеет кузнечик,
И сыплется каперс.

Город дышит во сне,
Но к стенам его мертвый
Приблизился конь...

Окровавлен Грааль,
Путь гордыни намечен:
На скорбную паперть.

Все сгорает в огне...
Остается лишь Тот,
Кто разводит огонь!

* * *

Вхожу на бугорок —
Церквушки купол вижу.
Его под утро, в срок
Луч солнечный оближет.

И мне он, почитай,
Как утреннее «здрасьте».
Для перелетных стай —
Отметина на трассе.

Для тихих прихожан —
Желанный отблеск рая.
Для беженцев-южан
Экзотика чужая.

Пока жива листва,
Он средь нее до срока.
Но вот она мертва,
И стынет одиноко

Его осенний блеск,
Но тьме не может сдаться.
Он знает — в горку лез
Я им полюбоваться.

* * *

Постою у церковной ограды,
Но войти не посмею в предел.
Знаю точно: мне будут там рады.
Только я окажусь не у дел.

Как умею, творю я молитву,
Как умею, с Тобой говорю.
Свято верю, что славную битву
Променяю на слово «люблю».

Что же надо еще, чтобы тело

Было только слугой для души,
А душа лишь к Тебе и летела,
К благодати и Божьей тиши?

* * *

В кругу имен великих страшно мне.
Стоять на цыпочках — не вечная ли мука?
Но нет прекраснее судьбы — гореть в огне
Стихов Петрарки, красок Гойи, звуков Глюка.

И растворяться в них и оживать,
И зеленеть, как медь, и очищаться.
В полночный час валиться на кровать
И с ними же под утро просыпаться.

Как страшно в этом страхе не родить
Своей строки или родить уродца.
Но кто вино заставит не бродить,
И сердце не болеть и не бороться?

Не с этой ли дуэли начинал
Затворник царскосельского лица,
Упрямо примеряя имена
Наследников великого Энея.

Есть правда, выход: объявить, что ты —
Ничтожная их тень, обрывок ткани.
И этим навсегда замазать рты
Кричащей, возмущенной светской рвани.

Как страшно... Но ведь так и хочет Бог —
Чтоб жили мы в плену слепого страха.
Попробуй-ка, дерзни за тот порог:
«Что было прахом, то и станет прахом.

Томление души и суета...»
Все так. Все так. Но вот какая штука:
Как хороша и как смела вот та
Строфа у Пушкина и ария у Глюка!

* * *

Ночь, шестое января,
Спит земная тварь.
Лишь снежинки говорят —
Выдает фонарь.

Круг его — живой вертеп,
По его огню
Улетаю в дали те,
К памяtnому дню.

Чтоб сказать себе: я смог
Разобраться в том,
Почему родился Бог
Рядом со скотом.

Дух вола, тепло осла

Согревали плоть, —
Только бедность и спасла,
Помоги, Господь!

Только быстрые шаги,
Только дальний путь.
Будет, Боже помоги,
Время отдохнуть.

Избегай богатства, друг, —
Будто шепчет мне
Мой вертеп — фонарный круг
Ночью в январе.

На перепутье

Я — человек, наполовину зверь?!
Я в темноте потворствую желаньям.
Мне трудно затворить ее теперь:
Дверь в самый мрачный угол мироздания.

Я — человек, наполовину Бог!?
Я так люблю, что сердце рвется в клочья.
И стыдно мне, что вытравить не смог
Желанья, что бесстыдны и порочны.

Так кто же я? И зверь, и Бог? О, нет!
Не зверь, не Бог — ребенок перепутья.
Пусть будет свет во мне, когда забрезжит свет,
И будет ночь, когда хочу уснуть я.

* * *

Читая книгу книг,
Я постигаю душу,
Как будто молоком
Меня врачует мать.

Читая книгу книг,
Я строю, а не рушу.
Но это не легко:
Творя, не разрушать.

Пока горят костры...

Пока горят костры

Пока горят костры,
Я петь не перестану!
Пока горят костры,
Не сдамся я ночам!
Бывает, и мосты
Сель скормит океану...
Но не убить костры
Беззвездным палачам.

Пока горят костры,
Делиться будем хлебом.
ока горят костры,
Мы вместе будем петь!
И станем вдруг стары
Под этим черным небом.
Но будем так мудры,
Что не заметим смерть!

Пока горят костры,
Жить не хочу иначе.
Пока слова остры,
Надеяться могу:
Что друг реки-сестры
И лодочки-удачи,
Я разведу костры
На новом берегу!

* * *

Я сидел у костра и краснел от немого удушья.
Не от дыма его, что ласкается серым котом.
Оттого, что язык деревянный и мне не послушный
Не желает никак развязаться и щелкнуть кнутом.

Оттого, что слова надо лбом все идут вереницей,
Кандалами гремят безошибочных формул и схем.
И смеются над теми, кто, сбросив оковы, как птицы,
Устремляются ввысь, но слетают к подножию стен.

Отчего же к подножию стен — развалить эти стены,
И отвалить от легкой добычи — охота и бой!
Междометьям — уценку, глаголам повышены цены,
И в охотничий рог — полупьяный и скучный гобой!

И горячности речи своей я тогда удивился,
Удивился глаголам, с которыми не был знаком.
И я понял тогда, что со мною огонь поделится
Обжигающе-ярким и гневным своим языком.

Что я вволю попил и поел, а вот волюшки не пил,
Что горит мой костер посредине российских лесов.
А сгорит-догорит — благодатней нет почвы, чем
пепел,
Для того, кому быть бунтарем, кого ждет колесо...

Вот тогда и запел, устремляясь не к общему хору,
А к надтреснутым, хриплым, но верным, меж тем,
голосам.

Вот тогда и узнал, как непросто высокому бору
Стать понятным и близким глухим низкорослым
лесам.

Я сижу у костра, искры в черное небо взлетают.
Надо мною сосна тихо раненой лапой поет.
Где-то птица кричит, потерявшая, видимо, стаю,
И рождается песня — недолгое счастье мое.

* * *

Мой друг, мы снова на краю
У неразборчивой беды.
Она пришла — в другом краю
Не очернить снега и льды.
Ей зимовать попроще здесь,
В стране разорванных сердец,
Где дом холодный, будто ледь,
И ложь — начало и конец.

Мой друг, терпи и не горюй,
Забудь про тепленький очаг.
Смотри — я свечкою горю,
И все же грею как-никак.
Но лишь ладони, что вблизи,
Но лишь глаза, что не солгут,
Но лишь сердца — не из низин, —
Те, что на горных склонах жгут.

Мой друг, скажи, что я не прав,
Что просто вьюга на дворе,
Что у зимы суровый нрав,
Но весны зреют в январе.

И я с тобою соглашусь,
И новый выберу маршрут...
Вот только вновь влюблюсь ли в Русь,
Которую на части рвут.

Ночной разговор (в начале 90-х)

У меня на кухне чай заварной,
А по праздничкам еще — кофеек.
Это так министры дружат со мной:
Раз в полгода, как подачка, паек.

Не стесняйся, попопей наливай...
За стеной жена с дочурой спят.
У меня на кухне, сам видишь, рай.
В общем, счастлив я с макушки до пят.

Счастлив я, что капитальнее стен
Не бывает — это я шучу...
И гордится мой сосед сильно тем,
Что не слышит, как я ночью кричу.

Как срываю я оплетку со струн, —
Лишь бы голыми прошлись короли.
Как ласкаю я гитару-сестру,
То ли пальцы, то ли губы в крови.

А еще из кухни церковь видна,
Купол с крестиком, да счастье ли в них?
И страна, что, как невеста, бледна,
И народ мой — полупьяный жених.

Скоро век похмелью свадебки той,

Ох, болит, болит моя голова.
Не молчи, гитара милая, пой,
Примеряй к раздумьям тяжким слова.

А наскучит — улетай птицей прочь,
Что там кухня, есть сытнее края.
До тепла и света всякий охоч,
Полечу с тобой, как видно, и я.

Позавидует голодный сосед,
Посмеется обеспеченный хам.
И потухнет в моей кухоньке свет,
Да зажжется ли опять где-то там?

Время за полночь, и весь разговор.
За окном фатою рваною — снег.
И крадет его и топчет, как вор,
То ли плач моей земли, то ли смех.

А у меня на кухне, сам видишь, рай.
В общем, счастлив я с макушки до пят...
Накричусь, да не решусь через край,
Потому что там, за стенкою, спят.

Диалог

Вы мне сказали: ну, стоит ли так убиваться
Из-за того, что романтиком трудно остаться
Из-за того, что давно сожжены бригантины,
Шпаги поломаны, кубок хрустальный разбит?

Я вас ответил, что это как песня, как детство,
Что от стихов и скитаний мне некуда деться,
Что за серьезные речи не дам и полтины,
Что Дон-Кихот давно умер, но он не забыт!

Привкус рома во рту,
Вечер в далеком порту, —
Снится мне каждую ночь этот трепетный сон,
Сотканный из миражей
Сотней влюбленных пажей,
Как карнавал, непонятен, но дорог мне он.

Вы мне сказали: ну, что вы, ракеты в полете,
Что вы мне голову на отсечение даете,
Если я вдруг отыщу хоть десяток мальчишек,
Джинсы свои променявших бы на арбалет.

Я вас ответил: ну, это, конечно, не довод,
Спросим-ка лучше на пирсе матроса седого:
Видел ли он у людей хоть чего-то излишек?
Им ведь всегда не хватало ни счастья, ни лет.

Привкус рома во рту,
Вечер в далеком порту, —
Снится мне каждую ночь этот трепетный сон,
Сотканный из миражей

Сотней влюбленных пажей,
Как карнавал, непонятен, но дорог мне он.

Вы мне сказали: ну, что вы, вы спите, очнитесь,
Миру реальному прямо с утра улыбнитесь, —
Есть ведь и в нем острота впечатлений глубоких:
Тайны, принцессы, сокровища, дивный мотив.

Я вам ответил: ну, что ж, это правда, не спорю,
Весь этот мир я люблю как ребенка, не скрою.
Только пришли мы в него из времен тех, далеких,
Так сохраним же все то, что нашли мы в пути:

Слов удивительных хмель,
Древней Эллады апрель...
Снится мне каждую ночь этот трепетный сон.
Паруса легкий овал,
Шумный ночной карнавал —
Мира далекого этому миру поклон!

* * *

Я к сорока, не каясь,
Меняю ремесло:
Спускаю легкий парус
И пробую весло.

Не то, чтоб этот ветер
Мне песен не напел...
Я понял, что на свете
Не все еще успел.

Что просто куролесить
И трудно колесить.
Не взвешивать, а взвесить,
Не выпить, а испить!

Не подтянуть кому-то,
А первым песнь запеть.
Хотя бы на минуту
Привыкнуть к слову «смерть»...

Премудрости простые —
Лишь к сорока годам...
А пальцы-то остыли,
Примерзшие к ладам.

Молитва

Не дай мне Бог когда-то стать довольным,
Сомненье сбросить с чашечек весов,
Собой лишь любоваться и невольно
Забыть о хоре многих голосов.
Они звучат во мне, как память мира,
И я когда-то зазвучу в других...
Нас в безысходность посвятила лира,
Но я от струн не отведу руки.

Не дай мне Бог когда-то стать счастливым,
Вершину покорить и суть найти.
И взглядом, как виденье, прозорливым
Конец увидеть своего пути.
И силиться в последнее мгновенье
Понять течение судьбы-реки...
Одно спасенье — жажда вдохновенья, —
И я от струн не отведу руки.

Не дай мне Бог несметного богатства —
Из полной чаши, верно, скучно пить.
Но дай мне Бог лишь дружбой наслаждаться
И краткий век в любви и дружбе жить.
Пусть посмеются те, кто жил иначе.
Пускай вослед кричат: мол, чудаки!
Я эту песню не случайно начал,
И я от струн не отведу руки.

И дай мне Бог когда-нибудь в дороге
Едой нехитрой поделиться с тем,
Кто скажет тихо: да, мы, брат, не боги,
И все же мы с тобой владеем всем.

Предзимье

Якову Семеновичу Клейнерману

Урок географии,
Видимо, был не впрок.
Да что географии —
Жизни моей урок.
Три месяца — лето,
Три месяца — осень... Бред!
Поверили в это,
А правды-то в этом нет.

Что летние ночи
Короткие — ерунда!
Вот зимние — очень
Короткие... Холода.
И стало понятно,
Что логики голос груб.
А время зависит
От нежности женских губ!

Ты знаешь, старик,
Я почти что поверил в то,
Что нам говорил
О душе тот мудрец Платон.
Но все это пламя,
А век наш недолгий — дым!
Мы поняли сами,
Что значит тепло звезды.

Что все в этом беге
Почти что наоборот.
Конь — сзади телеги,

не вовремя поворот...
Некстати Надежда,
Признание — невпопад.
И голым стволам одежда —
Лишь снегопад.

Ну, что же, старик,
Наступают на нас снега.
И белый их лик
Ты по-черному не ругай...
Как шлемы у римлян,
Верхушки дубов горят.
Предзимье, предзимье
Холодного ноября!

* * *

Пора, пора, пора
Гитары нам настроить.
Перед лицом беды
Не тренькать вразнойбой.
Парад, парад, парад, —
Чего он может стоить?
Покажет первый бой,
Покажет первый бой!

Перо, перо, перо
Сурово на повестке.
Что пишут на роду?
Живет огонь в крови!
Перрон, перрон, перрон,
Военные оркестры!
Два слова на ходу,
И те — не о любви.

Пурга, пурга, пурга
Вдруг отменяет детство.
Вчерашнее тепло,
Вечерние следы.
Пугать, пугать, пугать
Тем, что не сможем греться?!
Какое там трепло
Объелось ерунды?

Гудит, гудит, гудит,
Гудит в груди тревога.
Рука на тонкий гриф —
Уже как на цевье.
Буди, буди, буди,
Зажги в себе, ей-богу,
Надежды фонари
И мужество свое

Стара, стара, стара
Солдатская привычка:
Перед лицом беды
Не тренькать вразнойбой,
Пора, пора, пора,

Уносит электричка
Пусть не в последний день,
Но в самый первый бой!

Балаганчик

Посмотри-ка на дорогу, мальчик.
Видно, зрение меня подводит:
То ль попона на высокой мачте,
То ли легкий парус на подводе?
Театральный балаганчик, мальчик,
Театральный балаганчик!

Он морозцем утренним умылся,
Отряхнулся от дорожной пыли,
И в торговца чудом превратился, —
Предлагает нам, бескрылым, крылья.
Полетим хоть на часочек, мальчик,
В театральный балаганчик

Звонкая монета грянет
В мостовую, будто в бубен,
И пустая площадь уж полна народа.
Если Рыжий деньги стянет,
Кто из нас в обиде будет?
Он за этот пяточок купил свободу,
Мальчик.

Вот щебечет он весенней птицей,
Вот ревет подраненным медведем.
Он тебе не раз еще приснится,
Но не жди — уж больше не приедет.
Не горюй и не печалься, мальчик,
Лишь запомни эти лица.

Собирайся еж в дорогу, мальчик,
Потеплее не забудь одеться.
Под ногами шар земной — тяжелый мячик,
А в кармане Рыжего пропало детство.
Знай: ты поступил теперь актером, мальчик,
В театральный балаганчик.

Оплеухой звонкою умылся,
И пинками жесткими размялся,
И на площадь кубарем вкатился,
Но, ударив в бубен, рассмеялся...
А в толпе веселой сероглазый мальчик
Тычет пальчик в балаганчик.

Заколдованные ведьмы —
Под колеса легкой пылью,
И на берег дивный уж не видно брода.
Ох, разгул цепных медведей,
Ох, подрезанные крылья, —
Трехгрошовая свобода!

Студенческие скверы

Ах, когда нам семнадцать,
Как горки круты.
Мне б со счастьем не знаясь —
Да встретила ты.
Мне бы с горем не знаясь —
Да встретился он.
Но я верил, признаться,
В предутренний сон.

И надежду лелеял,
И грусть хоронил,
И однажды в апреле
Словцо обронил.
И пошел, и зашелся,
И все быть могло...
Вдруг июньское солнце
Надежду сожгло.

Ах, студенческие скверы,
Их надежды и тревоги.
Здесь мужают инженеры
И взрослеют педагоги.
Ах, студенческие скверы, —
Липы лист зелено-клейкий,
И не знающие меры
В смехе шумные скамейки.

Ах, как скоро, как споро
Седеет висок.
Я в проигранных спорах
Стал прям и высок.
В пораженьях и бедах
Стал весел и смел,
Лишь от легкой победы
Белею, как мел.
До удач не охотник,
Лишениям рад,
На поход я охотно
Меняю парад.
а себя не пеняю,
Другим не в пример
Ни на что не сменяю
Студенческий сквер.

Ах, студенческие скверы,
Их надежды и тревоги.
В тонких пальцах ветка вербы,
Взгляд чарующий и строгий.
Ах, студенческие скверы,
Стих не конченный в тетрадке.
На коленях кавалеры,
Письмецо в карман украдкой...
Может быть, потому,
Что не знал полумер,
Я тебе одному
Говорю это, сквер.

И твоих не стыжусь
Ни цветов, ни кустов.
На скамейку сажусь,
Где не видно часов.
И мечтаю о той,
И беседую с той,
Что махала рукою
Мне с горки крутой.

Ах, когда нам семнадцать,
Как горки круты.
Мне б со счастьем не зняться —
Да встретила ты!
Ах, студенческие скверы,
Вы все те же, вы все те же:
По сравненью с вами серы
Свадеб яркие кортежи.
Ах, студенческие скверы —
Счастье встреч, разлук тревоги.
Дом Любви, Надежды, Веры,
Сердцу милые дороги!

Горизонт

Я живу на земле, мне дано не бояться помех,
Подо мною дорога тверда, надо мной неба зонт.
Я шагаю под ним, и меня манит даль, как и всех,
Горизонт,

горизонт,
горизонт,
горизонт,
горизонт.

Знаю: там, за чертой, те слова, та любовь, что ты
ждешь,
Та страна Эльдорадо, в которой любому везет...
Только вновь застигает разлук и обид мелкий
дождь

Горизонт,
горизонт,
горизонт,
горизонт.

Хоть на пятый этаж поднимись, хоть на гору
Эльбрус,
Смелой птицей на смерч навались, будто грудью
на дзот,
Круг себя подивись, я с тобою на мир
подивлюсь...

Но упрется твой взор в горизонт,
горизонт,
горизонт.

И выходит, мой друг, на поверку: иди — не иди.
Ну а если не видно пути, то идти не резон...
Только манит нас в жизни лишь то, что еще
впереди:

Горизонт,
горизонт,

горизонт,
горизонт,
горизонт.

Я жду весну

Я жду весну, как ждет полете голубь раненый.
Ах, воли б нам напиться, — коли не вольны.
Я жду ее, пусть некрасивую, но раннюю.
Как бабы ждут солдат с войны.

Когда дворы вдруг станут теплыми
ладошками,
И в них растает и забудется навек,
Еще лежащий удивительными брошками,
В цене упавший мокрый снег.

Я жду ее, мою в шелках цыганку праздную, —
Что наколдует, нагадает наперед?
Коли любовь, так в марте свадьбу и отпраздную,
Коль нелюбовь, — так, значит, лжет.

Так ли, иначе, — а влюблюсь, по мне приметы
нет.
В печаль иль в радость, в одинокость — все
одно...

Весна-цыганка за последнюю монету мне
Нальет зеленое вино.

Ну, что ж, давай вечерять, сводня и разлучница,
Давай тихонько под гитару запоем.
Ведь у меня теперь ни с кем и не получится
Как только лишь с тобой вдвоем.

Пусть обожгли крыло морозом вьюги рьяные,
Когда был белый снег и колок, и глубок...
Ах, как мы ждем весны, бескрылые, упрямые,
Мой одинокий голубок.

* * *

Не знаю я, но почему-то
Мне показалось добрым утро,
Я полагаю — это значит,
Что в полдень стоит ждать удачи.

Луч солнца в комнату ворвется,
И все вокруг меня проснется,
И бриг, что на шкафу пылится,
Вдруг встрепенется,
Вдруг встрепенется,
И улетит, как будто птица.

И между нами встанет снова
Прекрасное большое слово.
Морщинка тонкая, как спица,
Тотчас в улыбку превратится.
И этим строчкам на странице

Придется в стих мой воплотиться.
И птице не отстать от стаи...
Я стих читаю, я стих читаю, я стих читаю.

Не знаю я, но почему-то
Я вдруг сверну с дороги круто,
И меж березок на опушке
Найду знакомую игрушку.
Игрушку эту — помню точно —
Мне подарил ручей проточный,
Но до меня, и в этом соль,
Ее увидела Ассоль.

Всю жизнь мы ждем соей игрушки,
Ну а в кармане — ни полушки.
Но, к счастью, издавна ведется.
Что счастье нам не продается.
Оно является к нам утром
Улыбкой светлой, словом мудрым.
И я уверен — это значит,
Что в жизни можно ждать удачи.

Мартовская история

Вы знаете, в марте бывают такие дела:
Ночами морозными в городе льют серебро.
К полудню же огненный конь, закусив удила,
Растопчет его, попирая брусчатки ребро.

Покажется все очень серым и слишком простым,
Горнисты блестящие горны за пояс заткнут.
Один не сдаётся — трубит, да, как видно, простыл.
Так в марте бывает, чего уж поделаешь тут.

Но в марте еще не такое бывает, мой друг.
Вдруг молния циркулем быстрым по небу бежит,
И вот в круговерти стрелою очерченный круг
Дорогою новой в страну, где я не был, лежит.

Там март, да не этот — с охапкой весенних цветов,
Там март — весельчак, чародей, одним словом,
апрель!

Там все удивительно, только немного не то...
Там слишком тягуча олифа, густа акварель.

Мазок — легкий ветер.
Штрих — быстрый полет.
Мне март не ответил,
Когда сбросит лед.
Когда в цвет надежды
Макнет поросль трав...

Ах, только б, как прежде,
Ах, только б, как прежде,
Во всем был он прав!

Вот циркуль, бумага, полночной строки серебро.

Как сон наяву, обалдевшего грома набат.
Под поступью лошади стонет брусчатки ребро,
За лошадю — пьяненький сторож по прозвищу
Март.

Ах, март-лицедей, кем явился ты нынче ко мне,
К чему эти маски и хитрых улыбок парад?
Зима слишком много за пазухой держит камней,
Но как я люблю тебя, мой переменчивый Март!

Песенка о чудаках

Кто сказал, что не бывает
Добрых сказок и чудес,
Что гусак зимой не лаает,
Не танцует польку лес?
Лес бывает очень странным,
Как засушенный судак.
В нем гуляет утром ранним
Человек — тире — чудак.

Чудакам закон не писан:
Если в омут — головой.
В гости ходят к хитрым лисам
Не с зайчатинкой, с травой.
В зоопарке без запарки
Открывают клетки все
И расклеивают марки
На проезжей полосе.

Чтоб на коже, коль прохожий,
И на елочке колес
Каждый, кто смеяться может,
Их чудиночку увез.
И повесил, если весел,
На стене иль потолке...
Сколько мудрых, дивных песен
В их таинственном лотке!

Чудакам закон не писан:
Если песни, то на слух.
Чудакам приносит письма
Утром жареный петух.
А под вечер — только б ветер, —
Эти чудо-чудаки
В синь уходят на корвете,
Зажигают маяки.
И плывут-плывут, качаясь,
Через реки и моря,
Будто в цирке, развлекаясь,
Вверх бросают якоря.
А потом остатки моря
Выливают в огород...
То ли радость, то ли горе —
Вот такой они народ!

Машенька

Закричала птица в ночь,
На крыло поставив стаю.
У меня родилась дочь —
Песня разухабистая.

Не про вольное житье,
Про любовь несмелую...
Чуть светает, воронье
Рвет рябину спелую.

Ну а мне что, где мой куст,
Где вино забвения?
Лишь в груди тревожный хруст,
Горькой крови пение.

Ах, кто да кто мне подсказал
Взять гитару, слов не зная?
Маша — карие глаза,
Яшма заколдованная.

Две лучины, два крыла,
Поцелуя два, а третий...
Поманила, позвала, —
Развалились сердца клетки.

И пошел гулять огонь, —
Сжег мосты, спалил рябины...
Уговором клин не тронь,
Вышибают клин лишь клином.

Рушься, жизнь, и, все круша,
Нарождайся новая...
Маша-Машенька душа,
Яшма заколдованная.

Есть порог — и будет путь,
Берег есть, коль есть водица...
У меня когда-нибудь
Песня путная родится.

Ах, кто да кто мне подсказал
Взять гитару, слов не зная?
Маша — карие глаза,
Яшма заколдованная.

Песенка о театре

Там, где возникают
Из пустого краски.
Там, где вдруг срывают
Сотканные маски.
Там, где речи строгой
Шутка — не помеха,
Вдруг взгрустнет сам Гоголь,
Улыбнется Чехов.

Там, где мне скакалось —
Лишь увижу стремя.
Там, где мне казалось —
Живо все на время.
там свеча не гаснет,
Там душа не стынет,
Там, и это счастье,
Догадался ты — Театр!

Припев:

Раз — наконец свет погас,
А в назначенный час
Вдруг взрывается тишь!
Два — разве это игра?
Разве это не ты там летишь?

Милые бродяги —
Балагана дети.
Тяги-перетяги —
Все что в жизни светит.

То паришь, как птица,
То лицом об землю...
Снится иль не спится:
Вся дорога — зебра.

Это все по сути,
Но, не обедняя
Жизнь, на перепутье
Не стою и дня я.
Где свеча не гаснет,
Где душа не стынет,
Там, и это счастье,
Ждет меня мой друг — Театр!

Припев:

Раз — наконец свет погас,
И в назначенный час
Вдруг взрывается тишь!
Два — разве это игра?
Разве это не ты там летишь?

Театр — древней Греции Бог!
Несравненный Софокл,
Бесподобный Эсхил!

Театр — одного ты не мог:
Если рушился мир,
Выбиваться из сил!

Театр — ты мудрец и пострел.
Сколько лет тебе, бог?
Ах, нелепый вопрос!
Театр — ты с годами старел.
Впрочем, нет, не старел,

А пока только рос!

* * *

Ну, вот и пролились дожди осенние,
И травостой дурманом обуюл.
Ко мне приходит осень, как спасение
От пыльных, теплых, летних одеял.

И лист сентябрьский, звонкий, будто кованный,
Вдруг станет мягкой замшей в ноябре.
И те, кто в зарослях стоял иконами,
Теперь теньями бродят во дворе.

Забуду думать о делишках суетных
И стану о деяньях на века.
Холодной ночью встречу красоту, и ты
Ее подымешь на своих руках.

Запеленаешь в чистое и белое,
Как будто это малый человек.
Из утра зыбкого ей зыбку сделаешь...
Да что же это? Это выпал снег!

Ну, вот и пролились дожди осенние,
Как слезы об утратах отлились.
И ночь, что снегу стала воскресением,
Напомнила мне, что не вечна жизнь.

Что голос, бивший в сердце, будто в колокол,
Вдруг песней душу не сожжет ничью.
И тех, кто некогда стоял иконами,
Когда-нибудь да пустят по ручью.

А я, в надежде сердце сжечь, по осени кричу...

Песенка о первом снеге

Белый снег, первый снег —
Он на наши одежды ложится.
Мы с тобой, будто белые птицы, —
Воронье нас поднимет на смех.

Как движенья легки —
Это кружимся мы в круговерти,
И в ладони моей, как в конверте,
Письмецо твоей теплой руки.

Припев:

(Пара-пара-па-ра-ра)

Прелесть этой зимы

(Пара-пара-па-ра-ра)

Точно чувствуем мы.

(Пара-пара-па-ра-ра)

Сердцу хочется петь.

(Пара-пара-па-ра-ра)

Круговерть, круговерть.

Ветер стих, белый стих
Пишем веточкой мы на сугробе.
Только черные тучи от злобы
Не хотят подхватить наш мотив.

Ну и пусть, что за грусть,
Нам до птиц и до туч нет и дела.
Снежной бабы огромное тело
Вместе с нами катает вся Русь.

Припев:

(Пара-пара-па-ра-ра)
Прелесть этой зимы
(Пара-пара-па-ра-ра)
Точно чувствуем мы.
(Пара-пара-па-ра-ра)
Сердцу хочется петь.
(Пара-пара-па-ра-ра)
Круговерть, круговерть.

Белый снег, первый снег, —
Он непрочен, и рыжие тропки
Подставляют под след шорох робкий,
Шорох, так не похожий на смех.

Но уже не вернуть
Тихой осени грусть и тревогу,
Заметая бывшие дороги,
Белый снег охлаждает мне грудь.

* * *

Улетела юность-птица,
летку дней сломав.
Молодость ушла, сестрица,
Просто так, сама.
В памяти тускнеют лица —
Сколько их ушло?
Только манит юность-птица
На свое крыло.

Улететь бы в те просторы,
Что во снах живут.
Загореться б в жарких спорах —
Пусть дотла сожгут.
Полюбить бы вновь девчонку —
Ситцевый платок.
Из матросского бочонка б
Жар-воды глоток.

Взяться б за руки, как прежде,
К солнцу — через ночь.
Жить любовью и надеждой,
Мрак сомнений прочь!
В тихой песне листопада
Видеть торжество,
И командовать парадом
Золотых листов!

Только зрелость-гильотина
Разрубает вдруг
Эту чудную картину,
Чувств прекрасных круг.
Я уже не главный маршал
На параде том,
И не мне девчонка машет
Ситцевым платком.

Но из всех знакомых песен
Все равно пропой
Ту, которую мы вместе
Пели с птицей той.
Не увянут дней тех краски,
Вечен их огонь.
Вспоминаю без опаски
Радость их и боль!

* * *

Кончается август —
Мне жалко его, и весьма.
Ведь кончится август —
Я думал об этом весь май.
Когда легким шагом взошел на корвет,
Счастливой печаткой пометил конверт,
Но грусть уж приветили первые строчки
письма.

Похода известен исход,
И грустен юнец-мореход.

Кончается август,
А я все о лете пишу.
Качается август —
Разбойничий ветер и шут.
Он платье испачкал и краски пролил,
Недолгое счастье слезой посолил,
Но, кажется, зря на него я, дружище, грешу.

Я сам предосенней порой
Нарядов веду перекрой.

Кончается август —
Мне жалко его, и весьма.

Венчается осенью,
Тоненькой строчкой письма.
Быть может, успею, его допишу,
Пока летней зеленью вволю дышу,
А может быть, — нет — руки спутает ливней
тесма.

Сентябрь запыхает огнем, —
Ах, сколько сгорело нас в нем...

Пьяное письмо

Не грусти, малыш, поминки
Не заказывай по мне.
Просто я уехал к Димке.
Просто в дальней стороне.

Мы у Димки хороводим:
Водку пьем и лук жуем.
Это, знаешь, что-то вроде —
Трехпроцентный наш «заем».

Обопьемся, отоспимся,
Вновь наглядим свитера.
Я давно, малыш, бы спился,
Если б не с тобой дела.

Если б крохотную свечку
В темном сердце не носил...
Ты ее, мое сердечко,
Умоляю — не гаси!

Я приеду без подвоха
И стерплю суровый взгляд.
Знаю — будет очень плохо,
Все равно ни-ни назад.

Сразу будет очень плохо,
А чуть позже — хорошо.
Как я рад, родная кроха,
Что тебя тогда нашел.

Не грусти, малыш, поминки
Не заказывай по мне.
Просто я уехал к Димке,
Просто в дальней стороне.

Не услады, не отрады,
Не любви ищу я здесь.
И зачем все это надо,
Если ты на свете есть!

Просто надо разобраться:
Что к чему и что почем.
И за что порою драться
Можно с голым кирпичом.

И в какой бросаться в омут,
И в какую гору лезть.
Отчего людишки тонут
В лужах под названьем лезть?

Почему мне так не спится,
Если рядом ты живешь,
Отчего я в колеснице — спица,
А в натуре — еж!

И когда же будет счастье,

Будет счастье наконец?
Ты не плачь, малыш, на части
Рви, что передал гонец.

Только все равно поминки
Не заказывай по мне...
Просто я уехал к Димке,
Просто в дальней стороне.

Утренняя песенка

Возьми гитару, улыбнись,
Запой простуженным баском.
Не стоит, друг, катиться вниз,
Когда с вершиною знаком.

Не стоит пить, а стоит петь
И в жизнь врезаться поутру.
Потеть, ломая грусти клеть,
Хоть лгут, что это легкий труд.

Возьми гитару, улыбнись,
Запой простуженным баском.
Не притворяйся, хитрый лис,
Что ты с удачей не знаком.

Покрепче струны подтяни,
Мне подпевать тебе не лень.
Не дело, друг, сидеть в тени,
Коль можешь дать другому тень.

Возьми гитару, улыбнись,
Запой простуженным баском.
Смотри-ка: голубь на карниз
Уселся, — ты же с ним знаком.

Он снова весточку принес,
И, значит, старая Земля
Положит путь под стук колес
И не удержит якоря.

Старое письмо

Достать открытку из конверта —
Чего же проще? Не могу!
Там, подставляя руки ветру,
Ты вновь стоишь на берегу.

«Привет из Северной Пальмиры...»
Ведь нет ни слова о любви.
Но отдал бы теперь полмира,
Чтоб вновь прочесть слова твои.

И рассмотреть тех львов гривастых,
Что спят смиренно у Невы.
И вновь услышать: как у вас-то,
Чем там живете в Пензе вы?

Вопрос наивен, как и нежен,
У нас декабрь стучится в дверь.
И город наш почти заснежен,
И спит, почти как сонный зверь.

И я такой же, чем я лучше,
Что я еще сказать могу?
И голос твой все глуше, глуше,
Там, на счастливом берегу.

* * *

Снег падал тяжело — он танец позабыл,
Снег будто и не слыл предтечею балета.
И гнутые листы, как лодочки-гробы,
Его несли туда, где протекает Лета.

Снег таял тяжело, устало, не тотчас —
Уже не так тепло, слабеет луч-Иуда.
Но холодно не так, чтоб сохранить хоть часть
Упавшей белизны и неземного чуда.

Но он уже возник, он показался всем,
Теперь его лишь ждут червлёные дороги.
Земные чудеса, вас было только семь.
И вот восьмое нам пожаловали боги.

Снег ляжет тяжело, надолго, до весны...
Но это не теперь, потом: дней через сорок.
И грянут гимны в честь надежной белизны,
А мне тот первый снег, растаявший, был дорог.

Так дорого нам всем мелькнувшее и, ах!
Прожившее лишь миг и канувшее в Лету...
Как памяти легко в растаявших снегах,
Как думам тяжело жить в ледяных браслетах.

* * *

Не обещаю сохранить вам дым костра
И все слова вам повторить не обещаю.
Не потому, что я в пути устал,
Но потому, что времени теченье
Заставило подумать об ином,
Открыло дверь в неведомые дали,
Травой устлало тропку в старый дом
И в посох превратило увлечение...
Оно всеильно — времени теченье!

Не обещаю сохранить вам дым костра
И все слова вам повторить не обещаю.
Я верю в то, что тайны новых стран
Потянут новым дымом, новым звуком
Прольются на меня, как песнь Авроры,
Вдруг очаруют снова и надолго.
И снова горы, снова с ними споры,
И вечная за друга в них порука...
Все будет новым: горы, мысли, звуки!

Не обещаю сохранить вам дым костра
И все слова вам повторить не обещаю.
Но лишь гитара — сладкозвучная сестра
Заговорит (как память ей согрета),
Я брошу все и спичкой чиркну вновь,
И новый разведу огонь, и песни
Про старые походы и любовь
Мне запоют пришедшие поэты...
Как он хорош — мотив знакомый этот!

* * *

Кто мне, кто мне подскажет,
Что вершим, что творим?
Небольшую поклажу
Не снести вдруг двоим.

Вместо светлого мира —
Вдруг раздорный мирок.
Но, сломав зла секиру,
Я берусь за перо.

Да, со мною не сладко:
Сделал так, как сказал,
И уже не украдкой
Я смотрю на вокзал.

Так уж вот получилось —
Уплывает перрон.
Но, чтоб все повторилось,
Я берусь за перо.

Напишу про ущелья,
Серпантины дорог.
Вот у них я прощенья
Вряд ли б выпросить смог.

Да, покой только снится,
Жизнь — не сладкий пирог...
Чтобы с ней объяснить,
Я берусь за перо!

* * *

А. Голякову

Чтоб в горы не ходить, есть тысячи причин,
Но сердце не будить не могут скалы их.
И каждую весну те горы ждут мужчин, —
Им речки тонкий шнур, как связка для двоих.

Забудь, кем были мы там, далеко внизу,
Как страшно было ввысь от краешка шагнуть.
Печаль и страх пути не преврати в слезу,
А в веру обрати, она осветит путь.

Не надо, друг, молчать, покой чтоб уберечь.

Соленое словцо мне будет только впрок.
Реки ревущей вздор похож на горцев речь,
А с другом разговор — на душу жгущий грог.

И пусть порвется нить и счастья, и судьбы,
Но в горы не ходить, — не мерить сил своих.
И был бы сложен тур, и кем-то найден был,
И речки тонкий шнур, как связка для двоих.

Ветры острова Валаам

Мы идем и совсем неплохо,
Не гребет только пес Тимоха,
Черным глазом следит за вдохом,
Понимая, что трудно нам.
Проклиная такое лето,
Он скулит, подпевая ветру...
Неразгаданных тайн приметы
Ветры острова Валаам!

Третий день над обрывом ели,
Как испорченные свирели,
И волна забивает в щели
Мертвых чаек и разный хлам.
как бы ели в огне горели,
Только руки уже согрели,
И лицо мне обжечь успели
Ветры острова Валаам!

Нам бы солнца малую кроху, —
Завилял бы хвостом Тимоха,
И закончил бы с водкой Леха,
Где же этот монаший храм?
Что в леса и гранит закован —
У аскета свои законы,
Им писали дождем иконы
Ветры острова Валаам.

Но на Ладоге шторм жестокий,
Можно было б пройти протокой,
Можно было бы в бухте тихой
Переждать, — очень тихо там.
Только что ж мы проплыли столько,
Чтоб на берег ступить до срока?
Пусть же грубо ласкают локон
Ветры острова Валаам!

Катерок, или Гимн двигателю внутреннего сгорания

Вот залив, вот берег, как порог.
Если жизнь по рельсам надоела,
Вот стоит у пирса катерок,
И его маневрам нет предела.

Что ему попутные ветра,
Что на рельсы так похожи, кстати!
Из его железного нутра

Так и прут мотивы вольной стати.

А в заливе — ставка на ветра,
А в заливе — нужная погода.
И при «Ниве» старшина с утра,
И при пиве выгулы народа.

И «спортсмены» дружно встали в ряд —
Не яхтсмены, но канатодержцы.
Держат путь, куда — не говорят,
В спасжилеты пряча трепет сердца.

И не вздумай замочить весла,
Парус есть? Плыви... Чуть что — спасают!
А в России ранняя весна,
А снега лежат себе, не тают.

Ветер справа — холодно, дружок.
Ветер слева — убережь бы мачты.
Ветер в спину — хоть бы так разок,
Все в лицо, в лицо да в душу (мать...).

Да в России — свежий ветерок,
Так была заказана погода.
И скрипит немодный катерок, —
Не поймет, какое время года.

То ревет, то в плаванье зовет
Эта бездна, пасть в предсмертной пене...
А пловец то парус вновь вззовет,
То опустит руки в смертной лени.

И кричат любители регат —
Им на флюгер так равняться просто.
И грозят: железный ренегат,
Мы тебя сошлем на полуостров.

Катерок пыхтит и устает,
Но зато плывет, куда захочет.
Он к любому пирсу пристаёт,
И гудок его почти хохочет!

Московская прощальная

Прощай, мой друг, сегодня день разлуки,
Я уезжаю, улетаю, умираю,
Опровергая непроверенные слухи
О том, что рай для тех лишь, кто ходил по краю.

А мы валились в бездну драм и наваждений,
Спускаясь каждый раз в метро, как в круги ада.
Запоминали только трепет восхождений,
Все то прекрасное, что и запомнить надо.

Прощай, мой друг, сегодня день печали.
Казалось, вечные, сникают льдов караты.
Вчера юнцы спяна у винного кричали,

Им не понять, как сердце рвет вино утраты.

Но в наши тридцать мы другой, дружище, веры:
Все ходим в горы, даже путь не зная толком...
Не сомневайся — я приеду первым.
Не удивляйся, если вдруг надолго.

Прощай, мой друг, я грусти не скрываю,
Не вытираю глаз, в карманы рук не прячу.
И стол, как водится, богатый накрываю,
И подношу бокала лед к губам горячим.

Вот сказан тост — ханжи как будто матом
крыты,

И у амурчиков из рук упали луки.
Но стрелы выпущены, и сердца открыты...
прощай, мой друг, сегодня день разлуки.

Архангельский порт

Архангельский порт, —
Увы, не курорт,
Здесь чайки кричат, как голодные дети!
Архангельский порт,
С каких это пор
Я так полюбил твой порывистый ветер?

Архангельский порт, —
Идут корабли,
На пирсы бросают швартовые тросы.
Архангельский порт,
Я с поволжской земли.
Прости, что надолго здесь якорь не бросил.

Архангельский порт, —
Будто в паспорт печать,
Будто к платью Двины я теперь
приторочен.

Архангельский порт,
Разве чайки кричат?
Они нежно поют мне про белые ночи!

* * *

Не поет, не плачет, не горит
Под рукой гитарная струна.
Не зовет ни чудный остров Крит,
Ни другая дивная страна.

Потому что, — кто б подумать мог, —
Тяжелее пули из свинца
Этот ранней осени дымок,
Эта поздней осени ленца.

Этот млечный путь сырых берез
Только до утра и доведет.
А укусит заморозков пес, —
Приложу рябины спелой йод.

Впрочем, нет — пускай душа болит,
Эта боль сладка и тем странна...
Не поет, не плачет, не горит
Под рукой гитарная струна.

Ахтуба

Ахтуба —
Долина лова.
Ахтуба!
Ах, труба
Зовет нас снова,
Ах, труба!

Линии
Сырых опушек,
Линии —
Синие
На дне речушек,
Синие!

Лодочка
По перекатам
Катится.
Мода — что,
Халатик сменит
Платьице.

Маменька,
Ах, ты далече,
Маменька!
Пьяненька
Я этой речкой,
Пьяненька!

Ахтуба,
Долина лова,
Ахтуба!
Ах, рубах
Не хватит снова.
Ах, рубах.

Солью мы
Покрылись белой,
Солью мы...
Сколько миль
Проплыли, Белла,
Сколько миль?

Костерок
Друзей помянет,
Костерок.
Катерок в залив
Поманит,
Катерок.

Ах, труба
Его певуча.
Ах, труба!
Ахтуба
Всех речек лучше.
Ахтуба!

Случайная встреча

Ей — дольку рижского бисквита,
ему уж не до пирогов.
Для дамы в рюмочку налито,
Ему в стакан, — раз он готов.

Они знакомятся, и в баре
Течет их странный разговор.
Ну, что сказать об этой паре:
Она — не шлюха, он — не вор.

Она, похоже, после смены,
И так бывает раз в году.
Нет-нет, не в поисках измены...
И он — не пьянь, попал в беду.

Она ему все про детишек,
Он ей про «этих сволочей».
И в море дел и всех делишек
Она — ничья, и он — ничей!

И так сидят и плачут оба,
И так целуются в ночи.
Но это не любовь до гроба,
А что? Пожалуйста, молчи!

Вдали, над кромкою земною
Их души обретут покой.
А ты постой пока со мною,
Со мною рядышком постой...

Ну что сказать об этой паре?
Она — не шлюха, он — не вор!

* * *

Такого не встретишь в столице:
Шикарен из листьев ковер.
Хоть золотом вышиты лица —
Не тронет ни дворник, ни вор.

Нет денег на технику, нету
В провинции здесь ни шиша!
Поправится только лишь к лету
У дворника Лёши душа.

А нынче, когда холодает,
Она рассуждает вот так:
«Чё нервничать! Снег-то растает
И листья утащит в овраг».

Ах, Лёшка, ах умница наша!
Придумать такое, — отпад!
И, правда: в провинции краше,
Когда на дворе листопад.

Гимн клуба «Поющие поэты»

На улице Красной, на улице Красной
Огонь не опасный: тепло и уют.
На улице Красной в компании классной
Душевно и страстно поэты поют.

В обнимку с гитарой и песенкой старой,
И песенкой новой, и той, что пока
Совсем не знакома со старой гитарой,
Но вот сорвалась уже с губ чудака.

Нам хочется снова молиться на Слово,
Стихами и музыкой души зажечь.
Влюбляться, как прежде, и снова, и снова,
И в русское слово, и в русскую речь!

На улице Красной, на улице Красной
Послушайте песенку эту мою.
На улице Красной, в компании классной
Совсем не напрасно поэты поют!

* * *

Убегу — не спрашивай, куда.
Прилечу — не спрашивай, откуда.
Где-то есть другие города,
Океаны с рыбой баракуда,

Добрые раскосые глаза,
Страны, где поют иные песни.
Там растёт чудесная лоза,
И вино воды дешевле пресной.

Даже если сдашь билет, на борт
Попадаешь. При любой погоде
Принимает вас аэропорт...
Впрочем... Нет таких пока в природе.

Улететь бы вовсе, навсегда
В эти дали... Только ниоткуда
Вдруг пришли соседи-господа
С водкой и консервой «Баракуда».

На север

Бежим мы на север из знойных поволжских
степей.

Колеса в горячем асфальте, а взгляды — во ржи.
Мотив старой песни к гитаре прилип, как репей,
Но в нем семена — значит, так продолжается
жизнь.

Такие дела, «Беломор» я смакую,
Но даже не так папироса дымится.
И, глядя в окно, потихоньку тоскую,
Мечтая всерьез о своей проводнице.

Моим друзьям

Дорогие мои,
Неужели я выживу, выстою
В день, когда невзначай
Нас колдунья-судьба разлучит.
Неужели печаль и свое одиночество
выставлю,
Как заслуженный дар
и к нему покою ключи
Неужели пойму тихой осени прикосновение,
Неужели смогу на гитару слезу уронить,
Улыбнуться,
тряхнуть головой
и постичь то мгновение,
До которого тянем свою долголетнюю нить?

Дорогие мои,
Неужели я выживу, выстою
В день, когда вашей дружбы горячей
иссякнет родник,
Все забуду навек,
И речушкой весенней, быстрою
Потекут, как и прежде,
мои бесшабашные дни?

Неужели комочек земли
на дороге непройденной
Я один разотру,
и никто не протянет
ладонь?
Неужели без вас назову эту землю я Родиной,
Неужели, как мальчик, влюблюсь
в ее древнюю боль?